

ЧОМБО

The background of the cover is a dramatic illustration of a man in a dark, leather-like priest's cassock. He has a white clerical collar and a small silver cross hanging from a chain around his neck. He is holding two black semi-automatic pistols, one in each hand, pointed upwards. He is wearing black fingerless gloves. The scene is set in the rain, with numerous white streaks representing raindrops falling all around him. In the background, there is a large, dark, gothic-style building with a prominent clock tower and arched windows. The overall color palette is dark, with blues, greys, and blacks, accented by the white rain and the gold of the title.

18+

ДЕНИС КАРПЕЕВ

Денис Сергеевич Карпеев

Чомбо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39428344

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1417-3

Аннотация

Ветеран всех последних войн, спецназовец Макс Котиков приезжает к другу в Москву и прямо с вокзала снова попадает на войну, но только теперь от него зависит будущее всей планеты...череда сражений происходит в России, Чехии, Испании и Казахстане и превращается в один большой бой, от которого возможно оторвать своё внимание только по окончании книги. Обложка сделана на заказ, авторские права принадлежат Карпееву Д.С.

Глава 1.

Я курил в тамбуре. Дым проникал в легкие, по пути раздражая слизистую и растекался терпкой, ядовитой массой, согревая тело и стимулируя мысли. Я с наслаждением делал глубокие затяжки, выпуская дым прямо перед собой, в никогда и никем не мытое стекло двери. Серая дверь вагона была исцарапана разными надписями и рисунками. Надписи складывались в целую историю. Историю этой двери, вагона и поезда, в котором я находился. В девяносто пятом здесь ехали какие-то Ольга и Витя. В девяносто восьмом кто-то уезжал на "дембель". Какой – то Рамазан царапал дверь в этом вагоне в две тысячи втором. Кто-то неизвестный любил Вику.

Вагон был старый и грязный. Судя по состоянию стекла, его не мыли со дня выпуска на маршрут. За окном проносились бесконечные пустоши, изредка пересекаемые редкими морщинами оврагов. До чего же огромна Наша страна! Едешь – едешь, а за окном бескрайние просторы, леса, поля, реки, озера.. и изредка,

какие – то обветшалые поселения. Середина ноября, вокруг все уже снегом покрылось.. Восемь месяцев зима. Чем там, в этих поселениях, люди занимаются? Вот хутор проезжаем.. два, восемь, двенадцать домов. Кто там в них живет? Что делают? Куда дети в школу ездят? Где народ работает? Где продукты берут? Натуральное хозяйство, наверное, как

сто лет назад. Что посадили, тем и питаются. Дровами топят, вон отовсюду дымок вьется. Все серое и грязное, обветшалое. Как моя жизнь. Серая и грязная. Обветшала.

Особенно последние годы. Раньше все понятно было. Служба, приказы, войны, зачистки, развед-рейды... отпуск в Железноводске. Комиссовали по контузии, на второй чеченской.. Чудом тогда выжил. Теперь не понятно: зачем? Боевой офицер, "Краповый" берет, ордена, медали... И пенсия в сорок лет – девять тысяч. Это после Карабаха, Приднестровья и двух чеченских войн. Специалист по рукопашному бою, диверсиям, подрывному делу, разведке, контрразведке... никому не нужен.. армии не нужен, Родине не нужен.

Уволился, осел в Пятигорске, снял комнату у бабули, Марии Владимировны, устроился в спорт– комплекс, рукопашный бой преподавать. Сколько ученикам вдалбливал, что рукопашный бой для обороны использовать надо, бесполезно. Или учитель из меня плохой, или народ изменился, испортился. Молодежь пошла... Ничего святого в них нет. Никакого воспитания, ничего не понимают. Злость, эгоизм. Чуть научится, начнет направо и налево морды бить.. в бандиты уходят, в тюрьму садятся.. Ничего человеческого в людях не осталось, сплошное зверье какое-то.

Закрыв секцию, пытался бизнесом заниматься.. На рынок пошел шмотками торговать. Думал, раскручусь, отложу денег, дом куплю, или квартиру. Не получилось. Не мое это... Не могу людей обманывать. Обносился весь, обнищал

в край.. В милицию пробовал-не взяли.. Сидят боровы откормленные, смеются. «Не подходишь,»— говорят,-«Не нужны ваши знания и навыки.» Не люди, а бесы какие-то, ложь, лицемерие, коррупция... Не этому меня в училище учили, не могу я так. В наемники звали, за границу. Не нужно мне это. Против кого воевать? И за какие интересы? За деньги? Не та мотивация. Как воевать, когда не понимаешь, кто свой, а кто враг? Кому присягу давать? Африканским королям? Смешно. Мотался из стороны в сторону, как неприкаянный.

Хорошо на стакан не подсел. Нету у меня этого, тяги к спиртному. А вот многие из друзей спились. Жалко их. Хотя понять можно, а что еще делать? Нечего.

В очередной раз позвонил Игорек. Все к себе, в Москву, звал. Работу обещал интересную— со злом мол, бороться . Говорит и усмехается: «Потенциал у тебя большой!» Какой потенциал, не пойму – в сорок лет, все потенциалы уже позади.

Мария Владимировна туда же. «Езжай»,— говорит-« чего ты здесь прозябаешь? Зовут ведь.» Вот собрался и еду. Добра нажил: спортивную сумку с тряпьем, пуховик, джинсы да армейские ботинки и денег чуть-чуть, на первое время. Серая жизнь и грязная...как ноябрь за окном.

Мимо шумной компанией прошли «дембеля», веселые, пьяные, разряженные как попугаи, аксельбанты, значки. Домой едут, салаги... Сколько они там, год, сейчас служат? Стрелять, наверное, не научили даже... Армия.. Прогадили

все.. и армию и страну.

Вдруг вспомнилась та дождливая ночь в Карабахе. Странная тогда была война. Россия поддерживала армян, а азербайджанцы начали нанимать исламских наёмников. Моему взводу в ту ночь поставили самоубийственную задачу. Разведка доложила, что к противнику приехала группа диверсантов-террористов из Ливии. Предположительно тридцать-сорок человек. Аналитики считали, что они растворятся среди армянского населения, подготовят и проведут серию терактов. Они расположились на территории полка, контролировавшего юго-восточную линию. Их казарма находилась в самом центре укрепленного района, где базировался полк. Там же была и их тренировочная база. Моему взводу было поручено их ликвидировать. Сначала я долго ругался и кричал на Кодолова, полковника, начальника моего. Как ликвидировать? Их охраняют полторы тысячи солдат противника, периметр, вышки, пулеметы, минные поля, колючая проволока. -Как вы себе это представляете? Это же самоубийство! Он смотрел на меня, молча. Он все понимал. Но и я тоже все понимал. Понимал, что не он эту задачу придумал и если не меня, то отправят кого- то другого. Понимал, что нельзя авиа ударом накрыть весь полк, потому что, он рядом с деревней и много мирных жителей пострадает. Кроме того, мы вроде как и не существуем здесь. Официально Россия поддерживает нейтралитет в Карабахском конфликте. Понимал, что уничтожить их надо, иначе они развяжут

полномасштабную партизанско-террористическую войну на территории Армении. Мы их, конечно, потом всех выловим, но уже совсем другими силами и другой кровью. Короче, я согласился. Да, и как мог не согласиться? – Приказ есть приказ. Кроме того, несмотря на мои крики и ругательства в адрес полковника, он ведь мой друг, хотя и начальник, мы оба прекрасно знали, что такое задание кроме меня и моего спецназа никто не осилит... Да, я тогда не был уверен, осилю ли я сам.

В общем, из тридцати человек своего взвода я предложил выйти из строя десяти добровольцам, уточнив, что задание будет последнее, потому как равносильно самоубийству. Вышли все, пришлось отбирать. Отобрал всех тех, кому терять было нечего, без семьи, без детей, только Гуртадзе взял, очень уж он просился. У него двое детей, старшему уже пятнадцать, много братьев и сестер, так что позаботятся, если чего, о семье. Хороший был человек, старший лейтенант Гуртадзе. Все хорошие люди были, не такие, с кем сейчас судьба сталкивает, настоящие. Все погибли...

Ночь была славная, идеально подходящая для подобных операций, дождь, порывистый ветер, гром и молнии. Пошли налегке, без бронежилетов, касок и всего остального, только винторезы, штык-ножи, гранаты и куча взрывчатки, чтоб, если что, подороже продать свою жизнь. Взяли даже пару зонтиков.

Азербайджанцы вроде только – только из союза вышли,

значит должны быть такие же как и мы, советские офицеры, однако, видимо, не такие. Высланная вперед разведка показала, что караульная служба у них поставлена из рук вон плохо, заградительный барьер— только видимость, колючка без напряжения, без погребушек, без сигнальных ракет. Минные поля... В шахматном порядке, с интервалом в полтора метра, любой выпускник учебки сходу пройдет. Проектировка внутри периметра такая, что не просматриваемых с вышек площадок немерено. Короче пробрались в казарму без происшествий, там все спали, даже дневальный из местных, перерезали всех ножами и так же бесшумно ушли за периметр, оставив на прощание зонтик с таймером на шесть утра. Нам казалось, невероятно, что такую сложную операцию провернули без проколов и без потерь. Уходили с отличным настроением.. Вот и расслабились.

Километрах в трех от вражеской базы проходили по узкому оврагу. Переверзев наступил на сигнальную растяжку, в небо взвилась красная ракета. Мы побежали изо всех сил, так как вокруг этого оврага было ровное плато и мы читались бы, как на ладони. Однако у азеров остались все— таки профессионалы. Овраг оказался заранее подготовленной ловушкой. На него был нацелен стационарный минометный расчет, который и отработал прямо по нам, буквально секунд через тридцать после сигнальной ракеты. Мгновенно убило двоих: лейтенанта Кузнецова и старшего прапорщика Поцепина. Я забрал у Поцепина пульт и активировал первый зон-

тик, оставшийся на базе врага, пусть посуеются. Вой боевой тревоги утонул в какофонии беспорядочных взрывов сработавшего зонтика.

Дальше дела пошли совсем плохо. Минометы били прямо по нам. Убило еще двоих: Ветрова и Самылина. Гуртадзе ранило в ногу. Я приказал остановиться и залечь, используя естественные укрытия. Положение наше было аховое. Теперь подключилась и артиллерия. Работали по нам до рассвета. Овраг превратился в месиво из камней, земли и человеческих тел. Я выставил и взорвал оставшийся у меня зонтик, чтобы, значит, наши тела не достались врагу. Классное изобретение советской военной мысли. Визуально, действительно, похож на зонтик, при подрыве он взлетает вертикально вверх, метров на пятнадцать, там взрывается, разбрасывая в радиусе ста метров несколько десятков стограммовых противопехотных мин, которые, в свою очередь, взрываются при любом прикосновении. Опасная штука, эффективная, запрещена международными конвенциями. Утром обстрел прекратился. К тому моменту в живых осталось трое: я, раненый Гуртадзе и лейтенант Преображенский. Я приказал подручными средствами вырыть себе ямы, могилы, зарыться в них, и сверху прикрыться убитыми товарищами. Типа все, никого не осталось. Зонтик сработал очень удачно, разбросав мины по прилегающим полям, но практически не попав в узкий и невысокий, метров восемь, овраг. Мины скрылись в густой, по колени, траве. Мы закопались и затихли, стали

ждать команду зачистки.

Минут через двадцать подъехали автомобили, потом мы услышали сразу три взрыва и крики помощи. Это значит, мины сработали. Потом еще с другой стороны два взрыва, и на полчаса движение прекратилось. Догадались гады, что не стоит сюда людей посылать – ничего кроме смерти они не найдут. Но все же азербайджанцы нашли способ подобрать-ся вплотную.

Вскоре подъехал танк. Его гусеницам стограммовые противопехотки не по чем. На броню вылезли два пулеметчика, долго всматривались в нашу уничтоженную позицию в бинокли, потом вскинули пулеметы и выпустили по нам по полному магазину, после этого попрятались в люки и швырнули еще по три гранаты Ф-1.

После чего уехали, а еще через полчаса дали контрольный залп из минометов. Меня спас труп Переверзева, он принял на себя все предназначавшиеся мне осколки.

Я пролежал под кусками Переверзева еще несколько часов. Его кровь залила меня с ног до головы. Я был ранен в руку, но чувствовал себя более– менее сносно, хотя кровь хлестала из носа и ушей. Первая контузия. Я рассудил так, сегодня днем смысла нет высовываться, ночью тем более, можно было легко на собственные мины нарваться, так что, если уходить, то уходить завтра, как только рассветет, и пока их начальство не передумало и не решило все ж таки выяснить, кто на них напал. Да, и ребята, может, кто очухает-

ся, хотя, в это я практически не верил. Ночью, когда звон в ушах более – менее стих, я начал потихоньку свистеть. Откликнулся только Гуртадзе. Сообщил что жив, но ранен не только в ногу, но еще в плечо, руку и грудь, хотя в грудь не глубоко, осколком на излете. На вопрос о Преображенском сказал, что видит его и что тому не повезло. Я вылез из – под Переверзева и подполз к старлею, перевязали как могли друг друга, поставили таймеры на часах на четыре тридцать и провалились в сон... Все следующее утро я тащил старлея на себе. По очереди мы теряли сознание. В это время второй, бодрствующий, прикрывал нас с автоматом в руках. К двенадцати часам дня я вынес Гуртадзе к передовому посту нашей разведки, и нас доставили в госпиталь. Там мы получили свои первые ордена...

За грустными думами и воспоминаниями выкурил полпачки. Интересно, что за работу Игорек предложит? В криминал не пойду, хотя Игорь не такой, вроде парень порядочный.. Раньше был... Когда в училище учились вместе. Образцовый советский офицер получился, только... Глубоко верующий советский офицер... Нонсенс. Мастер по самбо, меткий стрелок и талантливый диверсант, а верующий. Друзья рассказывали, что после увольнения из армии он семинарию окончил и вроде даже какой – то сан получил... священник, блин.. Или грехи замаливал? Тоже ведь повоевать довелось парню. Один только раз за время службы пересечься получилось, в Приднестровье. Он в спецназе, и я в спец-

назе, только в разных подразделениях, уже тогда меня к себе звал, но чем занимаются не рассказывал, секретность говорит, но чем – то крутым и особенным. Про них разные слухи ходили, но так никто толком и не знал, что же они на самом деле делают. И сейчас не рассказывает. Таинственный весь, намеки, загадки. Учить тебя буду, говорит, а чему учить? Я сам кого хочешь чему угодно научу, да только кому это все надо? Никому не надо.

Прошел проводник, запер туалет и сказал, что к Москве подъезжаем. Через час на месте будем. Ну, ну. Что она, Москва эта даст мне? Десять лет не был, не узнаю уж, наверное. Небоскребы, пробки, ночные клубы, гламур, миллионы людей и машин..все изменилось, совсем другой город, другие люди, другие ценности. Ладно, доверимся Игорьку, авось действительно, что-нибудь стоящее предложит. Знает меня, знает, что в криминал не пойду и людей обманывать не могу... Не подготовлен я к современной жизни. Динозавр. Старый, разочарованный, но смертельно опасный динозавр. Только и умею, что хорошо стрелять да голыми руками убивать. Эх, не тому всю жизнь учился. И бабу нормальную не нашел. Пять человек руками удавить могу, а перед девушкой красивой робею. Иришка моя..долго держалась..любила меня, и та не выдержала мытарств по гарнизонам разным... Ушла к стоматологу.. Двое детишек у них.. Красивые... Дай бог им счастья и здоровья.. И стоматологу тоже.. После моей последней контузии приезжала в госпи-

таль..Спасибо ей..Грустно молчали..Цветы, тортик, и сожаление в глазах, что я такой... Несгибаемый..неподконтрольный..недомашний..неласковый. Ладно, пора вещи собирать, выходить скоро. Почти пустую пачку сигарет в карман, сумку на плечо, улыбку на морду... Пойду. Игорь обещал у вагона встретить, не стоит ему в разбитом состоянии показываться. Может не понять...

Игорь действительно ждал у выхода из вагона. Обнялись, похлопали друг друга по плечам. За те десять лет, что мы не виделись, он почти не изменился. Заматерел только. Светлые волосы, голубые глаза, улыбающиеся, но и одновременно очень серьезные. Властный подбородок с ямочкой. Здоровый, красивый, одет с иголочки, ботинки начищены, хотя вокруг слякоть и грязь, на пальто ни одной соринки, пиджачок странный, и рубашка белая, с воротничком стоечкой..как у священников. Интересный образ. То ли современный, модный Брюс Ли, то ли гламурный священник. Рост под метр девяносто, на пол головы выше меня. Чисто выбрит.

Отобрал у меня сумку и защелкнул радостно: ну, наконец-то, чего так долго не соглашался? Чем так занят был? Давно жду, столько времени потерял..я угрюмо отшучивался, дескать, дела, секция, ученики, бизнес и так далее.

–Короче, брат, – говорит Игорь, -сейчас тут неподалеку, в одной кафешке с человеком встретимся, у тебя ведь в Москве негде остановиться? Вот, с жильем вопрос решим на первое время, я уже обо всем договорился, вещи закинем, и

к Роксане поедем, помнишь её?

–Еще бы.

–Встретимся, пообщаемся, потом на квартиру поедешь, обустроишься, отдохнешь с дороги, а завтра все про работу тебе расскажу, в общем, будем жизнь твою устраивать.

Роксана, старый добрый друг, еще с училища знакомы, у Игоря с ней какие – то шуры-муры были, да вроде не получилось ничего, так друзьями и остались, да вот и до сих пор. И я с ней постоянно раньше общался, письма писали друг другу.. Но странная она была всегда.. Не от мира сего. Все о глобальных вещах каких – то говорила.

В общем, вышли с вокзала и пошли.

Глава 2.

Вовке нравилась Алеся. Она сидела задумавшись, на переднем пассажирском, а он любовался ею в зеркальце на опущенном солнцезащитном козырьке над лобовым стеклом. За рулем сидел Костик, Леськин двоюродный брат и подпевал тихонечко, под Джоржа Майкла, звучавшего в динамиках авто магнитолы. Рядом с Вовкой, на заднем сидении обнявшись дремали Сашка с Марианной.

Ехали они к Марианне на дачу. Вернее это Марианнины родители называли домик в деревне, на Валдае, дачей, хотя какая это дача, пятьсот км от Москвы, в забытой богом деревеньке, на берегу лесного озерца. Домик принадлежал бабке Марианны, которая умерла пару лет назад. И с тех пор их семья использовала его как дачу, периодически приезжая

туда по выходным или на праздники. Вот и сейчас, они дружной компанией ехали туда, отмечать день рождения Марианны.

Они все вместе учились в университете, Вовка сидел на занятиях с Леськой и постоянно помогал ей, по всем предметам, делал для неё задания, контрольные. Вовка был скромным и застенчивым, хорошо учился и виртуозно владел компьютером, но перед Леськой робел и краснел. Хотя он был хорошо сложен, но не занимался спортом и не был лидером. Он был, как это сейчас называется ботаником. Все знали, что он втрескался в Леську еще на втором курсе, да и Леська наверняка знала, только, как это у девушек бывает, виду не показывала, подтрунивала над ним и посмеивалась, пользовалась им во всю и, как бы это поточнее сказать, не шла на сближение. Казалось, её забавляет Вовкино отношение и поведение, они постоянно общались и проводили время вместе, но она всегда держала дистанцию, а Вовка был слишком робок, что бы признаться ей в своих чувствах. Вот и сейчас, он любовался ею в зеркальце, она периодически ловила его взгляд и таинственно улыбалась или подмигивала. Старая Костиковская Хонда удивительно ровно шла и хорошо держала дорогу, несмотря на свой возраст. На трассе появился указатель, что до их деревни, до Забудовки семьдесят километров и они повернули налево, в сторону деревни. Дорога резко испортилась и старая Хонда закрипела и застонала на ухабах и выбоинах, Костик сбавил скорость.

—Вовка-сказала Леська.—Хватит пялиться, дырку прожжешь своими глазами— лазерами, или сглазишь.

—Не.— сказал Костик.—это Марианна может сглазить, у неё же бабка потомственная колдунья в пятом поколении.

—Не в пятом, а в шестом, и не колдунья, а ведьма.— смеясь, ответила Марианна.— да только мне её дар не передался, нету во мне ничего такого, мне и бабушка говорила, что пустая я, обычная, не то, что моя сестра, её бабушка еще в пять лет "активировала", правда я не понимаю, что она имела в виду.

До деревни доехали молча, да и не деревня это, а так, хуторок, на двадцать домов, половина из которых заброшена еще в советские времена была. Дом Маришкиной бабки, как и положено дому ведьмы, стоял на отшибе, возле самого леса, сложенный еще бабкиным дедом из огромных сосновых бревен, сосен вокруг деревни было немерено, и из них все деревенские свои дома строили. Несмотря на свою старость и почерневшие от времени бревна, дом был еще даже очень ничего себе, крепенький. Маришкин отец следил за ним, ремонтировал вовремя, вот и крышу недавно перестелил. Дом был одноэтажный, небольшой но и немаленький, с двумя пристройками. С небольшим яблоневым садиком, огороженным деревянным забором. По дороге встретили местную бабульку, из старожилов, помахали ей из машины, но она ничего не ответила, только осуждающе посмотрела вслед, дескать, ох, уж эти городские, приехали тут, шуметь, небось, будут. Подъехали к дому, начали разгружаться— продукты,

мясо, напитки, вещи всякие. Марианна начала командовать: «Вовка, дров накопи! Вон, в сарае и топор, и дрова лежат поленицей! Костик, к озеру с ведром за водой!» Вода в озере чистейшая, пить одно удовольствие. Сама начала печь растапливать, Леське с Сашкой велела стол накрывать, продукты, какие на стол, а какие в кладовку пока. В общем, доехали и начали к застолью готовиться. «Потом отдохнете,»— говорит— «ночью».

Вовка нарубил дров и стал дом осматривать. Он тут, в отличие от остальных, первый раз был. Марианна с Леськой подруги, они частенько суда наезжали, ну Санек с Маришкой естественно, а у Костика машина, он их и возил постоянно. А Вовку, Алесья первый раз позвала, поехали, говорит с нами, что ты на выходных в общаге сидеть будешь? Просто так позвала, от скуки, видимо. А Вовке что, лишь бы с Леськой рядом, хоть на край света, да и действительно, что в общаге сидеть, опять в компьютер по сети рубиться, а так хоть на природу девственную посмотрит, Валдай все-таки. Ну, и за одно... Решил признаться в чувствах, может,

хватит смелости, как раз хороший повод. Алесья на курсе не самая красавица была, есть и покраще девки, да ему в самый раз. Ладно сложена, маленькая, аккуратненькая, волосы черным хвостиком и глаза карие с огоньком. Есть в ней что— то необычное, изюминка.. В общем, любит он её, давно любит. Алесья с двоюродным братом, Костилом вместе из Белоруссии приехали и в институт поступили, вместе учатся,

вместе живут. Потому и имя у нее Алеся, с буквы А в начале, а не с О как у россиян, потому что из Белоруссии родом.

Дом вызывал странное ощущение. Казалось, что изнутри он больше, чем снаружи, Вовка даже на улицу вышел, шагами стены измерил, вроде все как надо, нет противоречий в размерах, а все – таки как – то получалось, что внутри просторнее, чем снаружи. Умели ведь предки планировать и строить. Сколько лет уже стоит. На стенах всякие интересные штуки висели: коромысло, котелки, веретено, что ли, занавесочки, чистые и аккуратные, но старенькие, еще с советских времен. На стенах фотографии старинные, выцветшие. Изнутри можно в пристройки попасть. В одной сарай, где хранились инструменты всякие: коса, колун, топоры, дрова, солома, в общем как в любом нормальном деревенском доме. Во второй пристройке кладовая с бесчисленными полками, забитыми всякими соленьями-вареньями. Многие из них Маришкины родители закатывали, а многие – еще от бабушки сохранились, грибочки там всякие, ягоды. Все стоит себе на полках, дожидается, когда на стол подадут. Достали помидоры, огурцы и грибы. Марьяна похвалилась, что когда-то сама собирала и родителям помогала закатывать в банки. В общем, накрыли на стол, поставили мясо в печь, начали праздновать, выпивать.

–А что, Вовчик.– Говорит, Алеся.– Ты с высоты современной науки как ко всем этим колдовским штукам относишься? Веришь в потусторонние силы или нет?

—С точки зрения науки, это все бабушкины сказки, а лично я считаю, что дыма без огня не бывает.— отвечает Вовка.— Не зря же народ верит. Все-таки должно что— то быть. Не зря же все эти рассказы про ведьм и колдунов? Что— то было, определенно, но, наверное, давно уже. В наш век победившей науки и техники отошло все это, забылось. Как говорится, веры у людей нет, и магии нет.

—Да, чушь все это— встрял в разговор Сашка.— Было в мире много чего необъяснимого, вот народ и верил во всякие сказки, потому как необразованный был, а теперь наука все по полочкам разложила, что и как происходит, описала, и все эти ваши потусторонние вещи законами природы объяснила.

—Ничего не сказки.— Говорит Марьяна.— Я хоть маленькая была, да многое помню. Как люди к бабушке приходили, скотину захворавшую приводили на исцеление, помешанных приводили, сглаз снимать, бездетные детей просили дать, ну и многое другое, раны заживлять, бесов изгонять. Бабка моя на всю округу известна была, народ толпой к ней шел, всем помогала, любили её, уважали, но и боялись. Придет, бывало, человек с какой— то проблемой. Вот, как сейчас помню, Васька, соседский пацан, нашего возраста, тогда ему четыре годика было, интересно, где он сейчас. Так вот, он где— то руку подрал, да сильно так, долго не заживала, его к бабушке привели, она в кладовку с ним заперлась, в подполе, часа три сидели, что— то она там с ним делала. Она всегда по такому делу в кладовке, в подполе запиралась, ну если это не коро-

ва, там была, или лошадь. Короче, часа через три вылезла, на руках его держа, а он спит. Идите, говорит родителям, через неделю все пройдет, да и спать завалилась. Она всегда, после воровства сильно уставала и спать ложилась, никто её не тревожил, могла потом сутки проспать, силы восстанавливала.

—А я что— то не заметил в кладовке никакого "подпола".— Сказал Вовка.

—Есть, есть, там люк, довольно большой, с кольцом железным вместо ручки, -ответила Марианна.

— А давайте слазим, посмотрим, — предложил Сашка.— Вдруг там какие -нибудь колдовские вещи есть, ну или как их, артефакты всякие.

Молодежь оживилась, давайте, давайте, посмотрим.

—Вика, сестра, моя старшая, когда бабушка умерла, позволила и строго настрого запретила в подпол лазить, -сказала Марианна.

— Эта та, которую, как ты говоришь бабка еще в пять лет "активировала" ? Ну, которая, бабкину силу переняла? -спросила Алеся.

— Да. Причем, интересно, как все получилось. Мы тогда в Москве уже давно жили, и нам о смерти бабушки соседи, с почты, из другого села позвонили, сообщили. А Вика тогда в командировке, в Тибете была, она у нас какой -то супер-пупер засекреченный ученый. Короче, в Тибете была, связи никакой не было, так она маме, через час позвонила, по международному, сказала, чтоб бабушку по всем христиан-

ским обычаям похоронили и ни в коем случае в подпол не заглядывали и замок повесили. А на вопрос, откуда узнала о смерти, сказала, что почувствовала.

—Ой как интересно! — взвизгнула Алеся— давайте посмотрим, вдруг там что— то такое— эдакое! Только я не полезу, страшно! Вовка, ты давай — и посмотрела так, жалостно-вопросительно.

Вовке сначала лезть никуда не хотелось, устал с дороги, да и выпили уже не мало, но Леське он не мог отказать. Все повскакивали из— за стола и поперлись в кладовку. Там света не было проведено, поэтому распахнули настежь дверь, чтобы видать было. Марьяна довольно долго искала ключи, нашла. Смахнули с полу солому и увидели довольно большой и крепкий деревянный люк, прямо посередине кладовой. Замок открыли быстро, а вот люк открыть не удалось. Вовка пробовал, подергал, потом Костя с Сашкой, потом все вместе, втроем. Не открывается.

—Странно, сказала Марьяна, бабушка всегда легко так, его поднимала, я и не думала, что он такой тяжелый.

—Он не тяжелый, просто изнутри заперт. — высказал предположение Вовчик.

—Ага, изнутри, кем же это интересно? Да, нет там ни задвижки, ни замка. Видела я. Помню. — ответила Марианна. Может, перекосило что— то, заело от сырости.

—Вовка, ты же умный, придумай что-нибудь. — с вызовом сказала Алеся, мол, слабо что ли?

Вовчик посмотрел на неё исподлобья, сходил в сарай, припер лопату, вдел черенок в кольцо и жестом пригласил на помощь Костика с Сашкой. Вместе, на раз, два, три, дернули, и люк с громким хлопком приоткрылся. Как пробка из бутылки, как дверь в барокамере, как люк на космическом корабле. Как будто резкая перемена давления. И еще после хлопка тихое и быстрое шшшшш, словно слова в голове пронеслись не понятные, но резко одергивающие – Не надо туда лезть!

– Кто-нибудь это слышал или это у меня глюки? – спросил Сашка., Оказалось что все слышали, но всем показалось, как будто не рядом кто-то сказал, а именно в голове, внутри черепной коробки, как внутренний голос. А еще зябко вдруг всем стало, резко, так холодно и страшно, словно адреналин перед пропастью в кровь брызнул. Крышка резко захлопнулась – все дружно лопату бросили, и, кто быстрее, пулей выскочили из кладовой. Остановились, минуту смотрели друг на друга, потом приснули со смеху. Смеялись долго и задорно, с облегчением, мол надо же, взрослые, студенты, будущие преподаватели, а испугались, как пятилетние дети.

– Может, ну, её, эту кладовку.– поежившись, сказала Марьяна – Давайте, закроем и забудем на фиг.

Но Сашка с Костиком и особенно Алеся начали дружно галдеть, что посмотреть все ж таки надо, интересно, и открыть получилось, ну, что они там труп что ли увидят. Всех разбирал интерес, но никто почему -то в кладовую идти не спешил. Вовка молчал, ему стыдно было признаться, что он

тоже сильно испугался, и лезть вниз ему совершенно не хотелось. За него решение приняла Леська.

—Мы с Вовчиком пойдем, а вы, трусишки из комнаты смотрите, только свет не загораживайте — сказала и посмотрела Вовке в глаза умоляюще и вызывающе одновременно.

—Ну, пошли— угрюмо сказал Вовка. Дверь в кладовую открывалась вовнутрь дома и в сторону единственной лампочки, тускло светившей под потолком и открывшийся на этот раз без всяких эксцессов люк, фиксировался почти в вертикальном положении, закрывая крышкой и так скудные лучики света, заслоняемые головами наблюдающих из комнаты друзей и дверью. Короче, света хватало на четыре ступеньки крепкой деревянной лестницы, ведущей вниз, а дальше абсолютная тьма. Леська села на корточки возле самого люка, прикрикнула, что бы не загораживали свет и взглядом пригласила Вовчика вниз, мол, ну, не мне же лезть. Вовчик начал медленно спускаться вниз и достал мобильный телефон.

Лестница оказалась довольно длинной, а подвал высокий и просторный. Видимо, это не подвал даже, а целый подземный этаж, площадью такой же, как и сам дом, а может даже и больше. Во всяком случае, светящийся экран мобильного телефона, который Вовчик использовал вместо фонарика, с трудом освещал ближайшие полки, но до стен свет не доставал. Зачем -то посмотрев на дисплей телефона и убедившись, что "нет сети" (не удивительно, её и во всей деревне нет и на трассе около поворота, уже не было), он медленно

пошел дальше, вглубь помещения.

—Ну, что там?— шепотом и как— то испуганно спросила Алеся. Она сидела на корточках и заглядывала в люк, но спускаться пока не решалась.

— Да ничего особенного.— Как то из далека отозвался Володька, хотя Алеся видела его, его ноги в стареньких Адидасах, медленно шагающие от лестницы. — Такие же, как навер-ху полки с баночками, много полок, много баночек, на потолке подвязано большое количество разных трав, корешки, что ли, листья какие— то большие, засушенные. Хм... Похоже на сухие листья пальм. Откуда, интересно, тут пальмы. Два больших сундука у стены. Никаких трупов тут нет.

Прошла минута, и у мобильного телефона выключилась подсветка дисплея. Вовка оказался в кромешной тьме. Вернее это сначала показалось, что она кромешная, однако спустя несколько секунд он понял, что в подвале есть еще какой— то маленький и тусклый источник света. В дальнем углу, на самой верхней полке, под потолком, из -за многочисленных банок пробивался очень тусклый, но тем не менее, достаточно заметный огонек, холодного, голубоватого свечения.

—Погоди -ка, тут что— то есть.— сказал он Алесе и почувствовал, что сказал гораздо тише, чем всегда, хотя говорил своим обычным голосом. Стены как будто впитывали звуки, тем самым заглушая их.

— Что? Что ты там нашел?— спросила Алеся.

—Сейчас...достану...тут что то интересное.— Вовка включил подсветку телефона и огонек тут же пропал, заглушенный мощностью другого источника света.

Вовка подошел вплотную к тому месту, где увидел огонек и понял что, несмотря на свои 183 сантиметра роста, он не достанет до верхней полки. Он пошел за сундуком. Сундук оказался достаточно тяжелым, и потребовалось время, что бы придвинуть его к нужному месту. Все это время Леська теребила его вопросами: «Что ты там нашел? Что это ты двигаешь? Тащи сюда-покажи.

"Она такая классная, когда боится,"— подумал он, залез на сундук и посмотрел на полку. Там за двумя рядами разных банок и запечатанных кувшинов стоял обычный трехлитровый баллон, внутри которого что то светилось. Осторожно, чтобы не разбить, он начал отодвигать мешающие обзору склянки. В баллоне находилась какая— то полупрозрачная, беловатая жидкость, похожая на самогон "первач", как его в фильмах разных про старину показывают и в самом центре баллона, не на дне, а в самом центре, в жидкости висела какая то очень маленькая штучка, которая ярко светилась.

Володя потянулся, схватил баллон за горлышко и резко потянул на себя, одновременно прыгивая с сундука. Однако баллон вдруг оказался холодным. Обжигаяще холодным, смертельно холодным, как жидкий газ. Вовка вскрикнул и уронил баллон, тот ударился об угол сундука и разбился.

Произошел сильный хлопок и очень яркая вспышка, Вовка отлетел на лестницу и потерял сознание...

Глава 3.

Кафе находилось совсем недалеко от Казанского вокзала, куда привез меня поезд, метрах в ста. Среди бесконечной вереницы лотков и торговых палаток, окружающих любой железнодорожный вокзал в любом большом и не очень Российском городе, затерялась маленькая, но довольно уютная "Чебуречная", рассчитанная на ежедневно приезжающих из области на работу в Москву небогатых жителей Подмосковья. Шесть столиков и длинная широкая стойка по всей стене, за которой можно стоя, быстро перекусить, остались тут еще со времен Союза. За одним из столиков жадно поедал пельмени наш с Игорем однокурсник, Ромка "Годзилла", с которым мы не виделись со времен выпуска из военного училища.

– Сюрприз!– воскликнул Ромка, поднимаясь к нам на встречу. Игорь подмигнул мне, заговорщицки улыбаясь.

Мы обнялись, постояли друг напротив друга, рассматривая, как изменились за прошедшие годы, и уселись за столик. Ромка был в военной парадной форме с погонами полковника и петлицами штабного на воротнике. Он внимательно посмотрел на шрам на моей правой половине лица.

– А я, довольно давно уже, штабная крыса, закончил Академию и теперь работаю с бумажками,– ответил Ромка на мой не прозвучавший вопрос.

Заказ у нас принимал старый армянин, видимо, Ромкин

давний друг и, как я позже узнал, хозяин заведения. Мы поговорили о жизни, вспоминали былые времена, сослуживцев, общих знакомых и погибших в разных частях бывшей империи товарищей. После чего перешли к делу.

—Игорь попросил меня устроить тебя в общежитие, так что я зачисляю тебя в свое ведомство, что бы оформить все документы, но работать ты у меня не будешь, и зарплату получать не будешь, будешь только числиться. У меня есть полное твоё досье и, учитывая твои бывшие заслуги перед Родиной, проблем не возникнет.

—Полное мое досье?

—Ну, да, мы тут серьезными делами занимаемся, так что владеем любой информацией по интересующим нас людям. Таких героев, как ты, еще поискать.— ответил мне Ромка.— вот тебе адрес, пропуск и ключи, твоя комната 403. Душ и удобства на этаже, но я думаю тебе не привыкать, ты у нас матерый волк.

Я скромно потупился, принял ключи с пропуском и поблагодарил Ромку. Мы сидели, разговаривали, по чуть-чуть выпивали, когда в заведение зашел странный юноша в смешном сером плаще, явно с чужого плеча, с голубыми полосками. Он, как— то заторможено озираясь по сторонам, подошел к барной стойке и сказал:

—Вода.

—С газом, без газа?—спросил бармен, он же владелец, Георг.

Юноша молчал, смотря куда-то сквозь Геворга.

—Вода.—Спустя несколько секунд повторил юноша каким-то, загробным голосом.

Геворг пожал плечами, открыл бутылку "Акваминерале", налил стакан воды и поставил перед парнем вместе с бутылкой. Парень залпом выпил воду, вернул стакан на стойку бара и снова повторил— Вода.

Геворг улыбнулся нам, дескать, посмотрите на дебила, снова наполнил стакан, и сказал.— Вода... Тридцать рублей.

Парень опять осушил стакан, поставил на стойку и снова произнес— Вода.

Хозяин, уже откровенно смеясь, открыл новую бутылку, наполнил стакан и повторил имитируя загробное выражение юнца— Вода.

Парень снова осушил стакан, потом спокойно поставил его на стойку. Постоял секунд тридцать, медленно развернулся и, не говоря ни слова, пошел к выходу.

—Э,э, а кто платить будет? -возмущенно крикнул Геворг ему вслед. Юноша остановился.

—Ладно, ладно, пусть идет.—сказал Игорь-не видишь, человек не в себе, мы заплатим.

Парень стоял и смотрел прямо перед собой, а мы все вместе смотрели на него. Через минуту, юноша, так ничего и не сказав, вышел на улицу, и еще немного постоял, видимо выбирая куда ему идти, повернул направо, к вокзалу.

—Во человека загнуло,— прокомментировал Ромка, а

мы с Игорем смотрели сквозь стеклянную дверь, за которой только что стоял странный парень, а теперь, когда он ушел, там появился еще один молодой субъект, одетый примерно так же как Игорь, только пальто у него было светло-серое. Он стоял и смотрел вслед удаляющемуся молодому человеку, потом повернул голову и взглянул прямо на нас. Несколько секунд мы втроем рассматривали друг друга через стекло входной двери. После этого он повернулся в сторону вокзала, поймал глазами того юношу и пошел за ним.

—Интересненько.—Сказал Игорь. Потом вдруг резко засобирался. Сказал, что нам надо еще успеть к Роксане, мы попрощались с Романом и Геворгом, рассчитались и вышли на улицу.

—Слушай, а может завтра к Роксане, я устал с дороги, да и помыться надо бы, побриться, сутки в поезде.—предложил я.

—Нет. Сейчас поедem, ненадолго, завтра не получится, Роксана уезжает, а встретиться нужно обязательно, она должна тебя...увидеть.

—Соскучилась, что ли?

Игорь улыбнулся и ничего не сказал.

Мы спустились в метро и поехали на Полежаевскую, где вот уже лет двадцать жила Роксана, в длинном многоэтажном доме, в котором мы собирались и веселились, много лет назад, когда учились в училище и приезжали в увольнение в Москву.

Роксана встретила нас в бирюзово-голубом платье, похо-

жем одновременно на морскую волну и рыболовную сеть. Кудрявые, рыжие волосы красиво распущены по плечам, челка зафиксирована какой-то старинной и очень необычной заколкой. На груди висел на цепочке, довольно большой и пошлый крестик. Лет ей было примерно столько же, сколько и нам, примерно под сорок, однако выглядела она гораздо моложе, но и одновременно..мудрее, что ли. На кухне был накрыт стол, с пирогом собственноручного приготовления, портвейном иностранного происхождения-Порто дон Пабло, фруктами и конфетами. Сели, выпили за мое прибытие и начали спокойный, неторопливый разговор старых друзей.

– Максим Георгиевич Котиков, герой России, как же ты изменился, Максик, заматерел, поседел, морда в шрамах. А такой красавчик в молодости был, впрочем, и сейчас очень даже..шкаф..до сих пор спортом занимаешься?

–Занимаюсь, что ж не заниматься, тем более когда свободного времени навалом. А ты почему одна до сих пор живешь? Где семья, дети?

–Нету..не семейная я. Кошка, гуляющая сама по себе..А дети.. Рано мне еще, не готова я пока. Потом как-нибудь.

Ничего себе рано, подумал я, бабе под сорок, как бы уже не поздно, но вслух ничего не сказал, вежливо промолчал. Мы с Игорем потягивали портвейн,

Роксана тараторила про сложившуюся ситуацию в стране и в мире. Что надо все это как-то прекращать, предпринимать какие-то меры, явственнее проявлять свою граждан-

данскую позицию и ненавязчиво подводила все свои слова под какую-то общую тему. Мне было не очень интересно. Я вообще не любил все эти политические разговоры, все эти партии, религии, глобализация, Гринпис, экология – от всего этого я был слишком далек, поэтому слушал вполуха. Тем более, что Роксана всегда любила поговорить на подобные темы, наслушался, за много лет. Но все-таки было приятно услышать старого, в смысле давнего, друга.

Спустя какое-то время мы вышли на балкон, покурить. Несмотря на середину ноября и заснеженное Подмосковье, в самой Москве было достаточно тепло. Видимо поэтому грязно и слякотно. Солнца не было видно, его в Москве вообще редко видно, но было понятно, что оно только-только опустилось за горизонт.

И последними своими лучами, оно, как бы изнутри, подсветило группу маленьких белых облачков, волею ветров сплетенных в красивый, растрепанный, но одновременно и неуловимо организованный узел.

– Смотрите какая красота! - Указал я друзьям на воздушную аномалию, которая висела, казалось, прямо над нами, чуть левее, и была размером не больше десяти метров в диаметре.

Удивительное зрелище, я такого никогда не видел. Казалось, что что-то специально какими-то силами сдерживает облачка пара от разрушения, и в то же время, я понимал, что любое дуновение ветерка развеет столь удивительное произ-

ведение природных сил. Мои друзья молча рассматривали это чудное атмосферное явление несколько секунд.

Потом Роксана сказала-

—Чей— то ангел.

Я с удивлением посмотрел на неё.

— А вон там чей— то демон.— сказал Игорь и кивнул головой направо. Мы посмотрели в ту сторону и увидели, правее, чуть дальше и чуть выше, такую же атмосферную аномалию, только сплетенную из черных дождевых облаков переливающихся багровыми оттенками.

Я обалдело рассматривал оба небесных объекта, а мои друзья стали резко куда— то собираться.

— Кажется что то происходит.— Сказал Игорь, -поехали, сейчас все узнаем.

— Куда?— Удивленно поинтересовался я.

— В таблетку.-Ответила Роксана, одевая плащ и застегивая сапоги. И у меня в голове вдруг возникло изображение круглого помещения, стены, пол и потолок которого были покрыты желтой кафельной плиткой. Одновременно со странным видением, я уловил удивленные взгляды моих товарищей обращенные ко мне. Создалось впечатление, что кто -то из них представил себе эту таблетку, а я прочитал его мысль, они это поняли, удивились, но не сильно.

— Ребята. Что происходит?

— Потом, потом.-ответил мне Игорь.— У тебя будет еще очень много вопросов, но я тебе отвечу на них позже, а сей-

час надо идти. Что— то происходит. И это что -то очень важно.

Я пожал плечами, оделся и вышел вслед за ними.

Подходя к метро, мы пересекли дорогу на пешеходном переходе, и вдруг Игорь остановился, заставив это же сделать и нас. Прямо перед нами, медленно и неуверенно шел тот самый парень в сером плаще, с голубыми полосками, которого мы видели в кафе у Геворга. Он был полностью погружен в себя, и создавалось впечатление, что шел он не целенаправленно, а как -то отрешенно что ли. Просто брел. Не понимая, куда идет и зачем. Мы стояли и наблюдали за ним. Он подошел к палатке, торгующей музыкальной продукцией и надолго застыл у витрины.

— Неужели вы ничего не чувствуете?— услышали мы. Обернулись и увидели молодого, хорошо одетого щеголя, в сером, стильном пальто. Того самого, которого мы с Игорем заметили у входа в чебуречную Геворга и который, как нам показалось, следил за странным парнем. Сначала мне показалось что этому щеголю не больше двадцати лет, но прищмотревшись я понял, что он гораздо старше, только.. Очень хорошо сохранился, что ли. Очень гладкая, здоровая, ухоженная кожа лица. Есть такое слово— "молодящийся". Иссиня черные волосы, были аккуратно уложены, как говорится "с пробором", такая же черная бородка-испанка.

— Ничего не чувствуете? -Переспросил он.

— Я чувствую.— вдруг отозвалась Роксана.

– И я.. Послушайте.– Ответил Игорь и закрыл пальцем ухо, как это делают артисты, поющие без микрофона, чтобы лучше слышать себя.

Я прислушался и вдруг услышал, где– то далеко в голове тихое, но все нарастающее тревожное– Дзз... Дзз... Дззз...

В этот момент вокруг нас все, как будто застыло. Народ, вечно спешащий куда –то, вдруг как– то сам собой рассосался. Кто– то спустился в метро, кто– то уехал на автобусах и маршрутках. Машин не было, на трассе вдалеке, справа и слева горели красные огни светофоров. Казалось, время остановилось. Игорь медленно и неуверенно вышел на середину дороги, как будто искал место лучшего приема этого самого «дззз...дззз». Так делают люди, ищущие сигнал сети на мобильном телефоне в помещении с толстыми стенами. Шаг вправо.. Шаг влево..Мир вокруг нас замер. Опустилась полная тишина, и только тревожное "дззз...дззз...дззз" гремело в ушах.

Вдруг из –за поворота выскочило нечто огромное и на сумасшедшей скорости полетело прямо на Игоря. Это нечто, часто пульсировало, моментально превращаясь то в автомобиль-бетономешалку, то в поезд, то в гигантского белого, змееподобного дракона. И этот дракон со всей дури врезался в стоящего посередине дороги Игоря. Тот успел только свести перед собой руки, соединив локти и тыльные стороны кулаков. Поезд сбил Игоря, мгновенно пролетел по дороге метров семьдесят и с невероятной скоростью скрылся

за ближайшим поворотом. Мой друг, словно кукла, взмыл в воздух, пролетел метров десять, врезался по касательной в припаркованный на обочине внедорожник. У машины брызнули от удара стекла, и оторвалась крыша. Тело Игоря отрикошетило от автомобиля и врезалось головой в стеклянную витрину магазина. Снова брызнули стекла, посыпались полки с товарами, попадали манекены.

Мы стояли и с ужасом взирали на происшедшее, не понимая, что случилось и что теперь делать. Однако секунд через тридцать в разрушенном магазине что-то зашевелилось. Игорь встал, как ни в чем не бывало, отряхнул пальто и направился к нам. Роксана кинулась к нему, помогая выбраться из развороченной витрины на улицу. Казалось, она ни чему не удивилась, а я стоял, как столб, с открытым ртом и ничего не понимал. Игорь подошел ко мне, дал сильнейшую пощечину и потянул за руку к метро.

– Побежали отсюда, пока время не включилось. Роксана и шеголевато одетый парень побежали за нами, по пути захватив под руки паренька в сине-голубом плаще. Турникеты сами собой открылись перед нами. Мы сбежали по эскалатору и запрыгнули в вагон метро, где смогли отдышаться. Люди, находящиеся в вагоне, не обратили на нас никакого внимания. Я смотрел на Игоря и не находил никаких повреждений. Ни поломанных рук-ног, ни порванной одежды, ничего. Пальто только помялось немного, да верхняя пуговица рубахи на воротнике -стойчке оторвалась.

– Я заметил его еще днем и почувствовал концентрацию черной силы вокруг него, после чего решил последить за ним. С ним что– то происходит, он совершенно не контролирует себя. Два раза я спас ему жизнь. Сначала он пытался перейти Садовое кольцо, я его выдернул со второй полосы и развернул, он просто пошел прямо, в том направлении, куда я его повернул, даже не заметив меня. Потом он чуть не шагнул под приближающийся трамвай, я его придержал, потом отпустил и он пошел дальше, снова не заметив меня. Блуждает по городу весь день, бессистемно, как будто ищет что-то, сам не знает что. Я не уверен, что в его теле вообще кто-то есть. Ах, да! Олег, питерская епархия, второй уровень.– выдал тираду наш новый знакомый.

– Игорь, федерал, второй.– Отозвался Игорь.

– Роксана, Москва, «берегиня».– представилась подруга.

Я посмотрел на них со злостью.

– Ребята, кто вы? Что это сейчас было? Что вообще происходит? –В голове у меня был полный бардак.– Кто-нибудь мне что-нибудь объяснит?

– Макс, успокойся. Скоро мы тебе все расскажем. Это долгий и серьезный разговор, и за пять минут тут не объяснишься. Сейчас все сами узнаем, потом в тишине и спокойствии все тебе расскажем. Мы сами мало что понимаем. Сейчас приедем, может нам кое-что разъяснят. Пожалуйста, наберись терпения, видишь, что творится. Позже ты все узнаешь. – ответил мне мой старый друг и успокаивающе похло-

пал по плечу.

Дальше мы ехали молча. Парень, с синими полосками на плаще, стоял в ступоре и никак не реагировал на происходящее вокруг. Несмотря на час пик и большое количество народу в вагоне, вокруг нас образовалось небольшое пустое пространство, словно люди подсознательно сторонились нас, хотя на это не было никаких видимых причин. Мы пересели на кольцевую, доехали до "Парка культуры", вышли из поезда, прошли до конца перрона, открыли калитку, на которой висела вывеска "посторонним вход запрещен", свернули в какую-то малоприметную дверку и двинулись по техническим лестницам и коридорам. Через минуту мы подошли еще к одной двери. Роксана положила на неё обе руки, подержала две секунды, потом открыла. Мы вошли в круглое помещение с низким потолком, которое было полностью облицовано кафельной плиткой, пожелтевшей от времени. Этой плиткой были облицованы и пол, и стены, и потолок. Это было то самое помещение, что привиделось мне, когда мы выходили от Роксаны.

"Действительно таблетка" – подумал я.

В центре помещения стояла девочка, лет двенадцати, абсолютно лысая, причем не бритая, а совсем безволосая, в бежевом платье – балахоне и босая. Мы остановились. Она внимательно осмотрела нас с ног до головы, потом подошла к отрешенному юноше в серо-синем плаще. Долго смотрела ему в глаза и тихо прошептала нараспев– Чооммбоо... При-

чем эти слова прозвучали прямо у меня в голове, я был уверен, что это сказала она, но губы её не шевелились. После чего она подошла ко мне, улыбнулась и сказала, уже нормально, губами.— Привет Воин. Ты вовремя.— и резко хлопнула меня ладошкой по лбу, да так сильно, что я отлетел, врезался затылком в стену и сполз на пол. Перед глазами появились красные круги, в голове что— то загрохотало, меня вырвало. Перед тем как потерять сознание, краем уха я услышал, как она обращается к моим спутникам.— Вам ребята теперь придется держаться вместе, прятать и охранять этого юношу. Мы думаем, что это Он.

Глава 4.

Вовка отлетел на лестницу и потерял сознание. Алеся закричала, Марианна взвизгнула, а ребята, хоть и не видели, что произошло, тоже сильно испугались хлопка и вспышки.

— Эй, давайте сюда, — немного погодя сказала Алеся, проморгавшись от ослепившей её вспышки. —Вовка, кажется, убится.

Друзья подошли к проему люка и посмотрели вниз. Вовка лежал на ступеньках бледный, как мел, и не шевелился. Алеся и Марианна зарыдали, а ребята, спустились вниз и попробовали поднять Вовчика, да сразу бросили. Тело его оказалось холодным, как лед, даже холоднее, как будто он неделю пролежал в суперхолодильнике с температурой минус сто. Дотрагиваясь до него, можно было серьезно отморозить руки.

–Блин, он холодный, зараза. Он походу умер. – несколько невозмутимо сказал Костик.

Минут двадцать пытались его поднять, пока не догадались натянуть прихватки для печи и обмотать руки одеялами. Осторожно внесли его в дом и положили на кровать. Удивительно, он был очень холодный, но не заоченевший. При переноске руки и ноги свободно гнулись, голова болталась. Положив на кровать, стали думать, что же делать дальше. Сотовые ни у кого не работали. Костик протрезвел малеха, из– за происшествия, но все же был настолько пьян, что о поездке на машине пришлось забыть. Решили пробежать по деревне, разбудить, кого-нибудь и попросить о помощи. Побежала Марианна, так как она всех тут знала и её, вроде, помнили, однако никого найти не удалось, то ли на ночь все куда– то делись, то ли не открывали по неизвестным причинам. Не смотря на то, что Марианна долго ломилась в двери, кричала и звала на помощь. Да и не кому было помогать, по -большому счету. По Маришкиным прикидкам, в деревне оставались три бабульки, дед Петр, да внук его, Сашка–алкаш. Летом, конечно, много народу из городов наезжает, так сейчас ноябрь на дворе.

– Короче, – подвел итог Костик – Вовку по -любому уже не спасти. Сейчас все ложимся спать, а завтра с утра или в больницу повезем, или в Москву. На том и порешили.

Все вместе улеглись в спальне, на кровати родителей. Тесно, но не с покойником же ложиться. Улеглись, начали шеп-

таться, спрашивали Леську, что было.

– Да ничего я не видела, темно было, он сказал, что что-то нашел, чего-то там долго двигал, потом бабах и все.

Незаметно все заснули: Марианна – обнявшись с Саньком, а Алеся – с братом Костей.

Первым проснулся Сашка, посмотрел на часы: «Ого, пол одиннадцатого!», и стал всех будить. Проснулись, первым делом кинулись к Вовке проверить. Смотрят, а он уже нормального цвета и главное дышит. Потрогали – теплый.. Ну, в смысле, нормальной человеческой температуры. Алеся боязливо прильнула к груди, сердце бьется. Пытались тихонько разбудить – безрезультатно. Стали торопливо собираться. Перенесли Вовку в машину на переднее сиденье, пристегнули. Сашка с Марианной пошли к соседке, которой вчера махали из машины, узнать про ближайшую больницу. Оказалось, что ближайшая в райцентре, это восемьдесят километров на север, и та закрыта, так что нужно в город, в Валдай, а лучше в Новгород.

Короче, решили ехать в Москву. Там и больницы лучше, и родители помогут.

Собрались, поехали. Когда добрались до трассы, проверили мобильники. Все равно не работают почему – то. Не работали они на протяжении всего пути и даже в Москве. Приехали на квартиру к Алеське с Костиком, занесли тихонечко в дом, чтоб соседи не видели, уложили на кровать, пытались по домашнему телефону скорую вызвать, но он тоже поче-

му— то не работал. Сашка с Марианной побежали на улицу к телефону -автомату, стоявшему на автобусной остановке, звонить. Потом вернулись, сказали что вызвали, скоро будет, но странное дело, как вышли из лифта, у обоих мобильные сразу заработали. Они это по куче смс сообщений поняли, которые оператор присылает, как только ты телефон включаешь или в другую тарифную зону попадаешь. В общем, вызвали с мобильного, ждем, сейчас приедут.

—Что скажем?— Спросила Алеся. Повисла пауза.

— Упал, потерял сознание, в чувство привести не можем.— придумал Костик.

Скорая приехала минут через двадцать. Врачи, мужик лет пятидесяти и женщина на вид возраста не определенного, страдающая ожирением, казалось, были очень не довольны тем, что кто— то оторвал их от очень важного дела, ради каких— то пустяков. Правда, после того, как Костик сунул в руку усатому пятьсот рублей, сменили гнев на милость. Выслушав придуманную легенду, мужик подозрительно втянул носом воздух, вырывающийся из Вовкиного приоткрытого рта.

— Выпивали?

—Чуть, чуть..

— Ну, ну..

Он закатал Вовке рукав, померил давление, осторожно ощупал живот, грудь, шею в районе позвоночника, приоткрыл ему веко.

— Ух ты! Это че, линзы?-спросил он показывая на глазное

яблоко. Зрачок закатился за надбровную дугу, как у крепко спящих, а вот белая часть яблока была не белая, а ярко голубая.

– Мы не знаем. Вроде раньше такого не было, хотя глаза у него действительно голубые. – отвечала Алеся.

Доктор еще пощупал живот, послушал и понюхал дыхание, осторожно похлопал Вовку по щекам, потом выдал:

– Вот что молодежь, я думаю, что ваш товарищ сильно перенапрягся или переволновался, а потом еще и сильно напился, но не критично. Иначе давно отъехал бы. Я, конечно, могу сейчас увести его в больницу, он там отоспится и придет в себя, но у нас и так с койко-местами напряги, будет спать где–нибудь в коридоре, а в вытрезвитель, я думаю, жестоко будет. Так что пусть у вас пока остается, отоспится и отойдет. Вот мой мобильный телефон, звоните, если что. А завтра утром, часикам к одиннадцати я вам доктора выпишу, участкового, думаю, ваш друг к этому времени проснется. Он его посмотрит и определит, что дальше делать.

– Доктор, мы когда его подняли.. Ну, после того как он упал, он совсем холодный был, как кусок мяса в морозильнике.– Тихо произнесла Алеся.

– Знаете что? –как– то озлобленно сказал врач.– вы, похоже, не только бухаете, как свиньи, но еще и курите что–то. Я вам как доктор говорю, все в порядке с вашим другом, выпится и очухается, все у него в норме, сердце нормально бьется, руки-ноги-шея в порядке, отравления нет, печень ни

на миллиметр не увеличена. Я вам ручаюсь, что ничего критического у него нет. Если что, с меня будете спрашивать, я буду виноват. – сказал, собрались, развернулись и ушли...

Вовка действительно очнулся утром, голова его покоилась на коленях у Алеси. Руками она поглаживала его волосы.

–Вода.– сказал он через какое– то время.

– Володенька, миленький, ты очнулся. – Защебетала Алеся. По щекам её потекли слезы радости.– А мы так испугались, так испугались, что с тобой там случилось, а? Ты такой холодный был, мы так испугались, что ты умер – нервно и радостно тараторила она, наливая и поднося стакан воды.– А потом ты оттаял и задышал, а доктор сказал, спишь..

–Вода.– выпив, снова повторил Вовка каким– то странным голосом и начал вставать.

Алеся налила еще стакан и продолжала нервно.– мы тебя так долго везли, так долго. Костик гнал, как бешеный, но все равно долго..а еще, а еще рядом с тобой мобильники не работают и глаза у тебя были синие -синие, как небо– суетилась перед Вовкой Алеся. Потом вдруг остановилась и замерла.

–Вода.– в третий раз повторил Вовка. Алеся молча протянула ему полуторалитровую бутылку, в которой осталось грамм триста и вдруг поняла, что Вовка смотрит прямо на неё, вернее сквозь нее, куда – то вдаль и совершенно её не узнает. И еще ей показалось, что это не Вовка вовсе, а кто – то другой в его теле, и голос совсем непохожий. Она сделала шаг в сторону и плюхнулась в кресло, с испугом глядя на

Вовчика. А он, не обращая на неё никакого внимания, пошел прямо к входной двери. Одет он был во все то же, в чем был и вчера: горчичная рубашка и джинсы. Друзья даже кроссовки не удосужились с него снять. Перед дверью он остановился, медленно, как-то заторможено повернул голову направо, снял с вешалки Костиковский старый плащ с голубыми полосами и с трудом натянул его. Плащ ему был очень сильно мал. Костя маленький и щуплый, а Вовчик высокий и широкоплечий. Удивительно, как он вообще в него поместился. Что— то подсказало Алесе, что надо встать и открыть дверь, что она и сделала, тихонько протиснувшись мимо замершего у двери Вовки. Как только преграда исчезла, он медленно и неуверенно двинулся дальше, прямо вниз по лестнице, не заметив лифт.

Глава 5.

Очнулся я довольно быстро. По моим внутренним часам прошло минуты три-четыре. Лысой девочки— силачки в помещении не было. Олег и Игорь сидели на корточках, облокотившись спиной на стену, и зажимали лица руками. Тип в серо-голубом плаще так и стоял там, где его поставили. Казалось, за прошедшие несколько минут он не сделал ни одного движения. Роксана топталась посередине помещения, уперев одну руку в бок, а другой — потирая лоб, и критически смотрела на нас. Ждала, когда же мы придем в себя. У меня самого лобная кость болела так, как будто в неё вбили гвоздь-сотку. Роксана опустилась на корточки передо мной, взяла

меня за подбородок и посмотрела изучающе в глаза, перевела взгляд на лицо. Я заметил у неё на лбу, прямо посередине, круглое красное пятнышко величиной с копеечную монету.

— У меня тоже самое?— спросил я. Она утвердительно кивнула, продолжая меня рассматривать, видимо, оставшись довольной осмотром, приветливо улыбнулась и помогла встать.

— Кто это был?— спросил я, подушечками пальцев пытаюсь что-нибудь нащупать у себя на лбу.

— Анжела.— ответила она, отвернувшись и помогая Игорю с Олегом.

— А.. Ну, конечно.. Анжела.. Тогда все понятно.. Это многое объясняет.— бурчал я, отряхивая одежду и оттирая следы рвоты, оставшиеся на штанине.

— Так, что теперь делаем?— спросила Роксана, обращаясь к Игорю.

—Что-что? Едем домой, отдыхаем, спим, вводим Макса в курс наших дел. А завтра к начальству, узнавать, во что мы вляпались и что нам теперь делать.

Я вдруг почувствовал, что картинка, воспринимаемая моими глазами, изменилась. Чуть сместились цвета, и у моих друзей появились...вторые контуры...нет, правильнее будет сказать, ауры, что ли. Как на плохо показывающем телевизоре. Ну да, еще один контур тела. Или как защитная пленка в нескольких сантиметрах от одежды... Словно в рекламе какого— то кефирчика, защищающего организм от всех болезней... Тоненькая такая, беленькая, светящаяся пленочка

у каждого из троих.. Только на тормозном студенте её не было. А потом раз.. моргнул и все пропало. Цвета вернулись, контуры исчезли.

Игорь же в это время пытался открыть дверь. -Рокси, не получается!— удивленно воскликнул он, держа ладони на двери.

— Вот двоечник. — шутливо ответила она,— Тебя же только что повысили. Стыдись! Прижала руки к двери и закрыла глаза, что— то шепча. -Действительно не получается, — через некоторое время разочаровано произнесла она, отходя от двери — Блокировка другая, гораздо сильнее.

Я только сейчас понял, что у двери нет ни ручки, ни замка. Как же они её открывают? Подошел Олег, предложил попробовать вместе.

— В чем проблема? — спросил я.

— Не видишь, дверь не открывается. — Игорь с Олегом положили четыре руки на дверь и пыхтели. Однако я бы не сказал, что они её толкали. Пыхтели от внутреннего напряжения, а руками давили не сильно, скорее просто касались.

—Может, выбить? -предложил я.

— Нет, Максик, ты, конечно, сильный мужчина, но эта дверь силовым замком заперта, её нельзя выбить. — ухмыльнулась Роксана.

—Чем заперта?

— Ну..заклятьем..

Я вопросительно уставился на неё, но не услышал пояс-

нения. Ну, да ладно, отогнал парней и ощупал дверь. Обычная деревянная казенная советская дверь: петли стандартные, открывается наружу, вот только ни ручки, ни замка нет.

Я слегка поддал её плечом. Ощущение было такое, словно ломишься в сейф. То есть вообще никакой реакции. Отступив на шаг, попробовал еще раз, гораздо сильнее, снова никакой реакции, зато плечо застонало от боли.

Тут вдруг снова сместились по спектру цвета. Ну, знаете, на японских телевизорах есть кнопочка-режимы, её нажимаешь, а цветовая гамма в телеке меняется, настройка естественности изображения. Вот так и у меня, ррраз, и комната желтее, голубые полосы на пальто "зависшего" пацана ярче, и Ауры белые у остальных.

Смотрю на дверь, а там прямо посередине какой-то темноватый сгусток. Я сконцентрировался и каааак дал, на выдохе, ногою, прямо в этот сгусток, в центр двери. Да недурно так получилось. Я аж сам не ожидал такой силы. Прямо очень-очень сильно. Так никогда не бил, уж я -то знаю. Дверь крестом раскололась на четыре части и вывалилась наружу.

– Ничего себе ты монстр. – сказал Игорь, выводя паренька в серо-синем плаще, которого я для себя обозначил как "студент".

– Анжела сказала, что нам надо его прятать и охранять, так что пойдем окольным путем, чтобы меньше народу нас видело.

Мы свернули куда— то вглубь технической зоны, преодолели два небольших коридора, вышли на дорожку между стальными путями метро. Отсюда до перрона было метров пятьдесят, и мы слышали, как в подошедшем поезде диктор объявляет: осторожно, двери закрываются, следующая станция— «Фрунзенская». Через несколько секунд поезд проследовал мимо нас, а мы свернули направо через рельсы по специально сделанной из бетонных плит дорожке, которая привела нас в довольно объемную нишу, отходящую от основного туннеля и заканчивающуюся прямо таки титанической дверью. "Бомбоубежище."— подумал я.

Игорь приложил к двери ладони, и внутри нее что— то тихо, но весьма отчетливо затарахтело. Я запоздало заметил, что и на этой двери нет никаких ручек, замков, петель и других механизмов, но ничего сверхъестественного в данном случае не было, просто дверь открывалась только изнутри. Дверь открылась — над ней загорелась красная лампочка.

— Рокси, отвлекаяй верхний пост,—крикнул Игорь, торопливо достал из внутреннего кармана два маленьких аптечных пузырька, с силой швырнул их в потолок, прямо перед собой. Они разбились, и из них вылетело небольшое сизое облачко пепла. Игорь дунул на него, да так сильно, что оно мгновенно исчезло, улетев к центру помещения. После этого все оставшиеся вошли внутрь, и Игорь быстро-быстро закрутил вентиль запора гигантской двери. Красная лампочка погасла. Роксана открыла глаза. «Не заметили.» — выдохнула она.

Мы стали двигаться к центру помещения. Я осматривался по сторонам, пытаюсь понять, куда же мы попали. То, что это засекреченный армейский объект, я догадался сразу. Примерно такой же туннель, как и метрополитеновский, только без рельс. Сводчатый потолок, метра четыре с половиной высотой с однообразными светильниками, спускающимися на железных штангах через каждые десять метров. Посередине центральный коридор, от которого влево и вправо вели проходы сквозь бесчисленные стеллажи, ящики и нагромождение какого то оборудования.

– Олег, ты остаешься с пареньком, Макс и Роксана ищите офицера. – распорядился Игорь.

Мы пошли по коридорам. Я завернул в первый слева. Он вел в место, выделенное для младшего личного состава объекта. Видимо для солдат срочной службы. За перегородкой стояли типовые армейские двухъярусные кровати количеством четыре штуки. Небольшой контингент, – подумал я, – восемь солдат-срочников, наверное еще пару офицеров, ну и караул наверху на выходе.

Рядом с кроватями, прямо на стене тоннеля были смонтированы откидные столики для приема пищи и железные шкафчики для верхней одежды.

Тут я заметил, что на одной из верхних кроватей спит молодой парень. Осторожно, дабы не разбудить, я вышел в центральный коридор и сразу же услышал голос Роксаны : "Сюда".

Подойдя, я увидел спящего капитана, сидящего перед огромным, метра два с половиной в длину и полтора в ширину пультом, с большим количеством каких-то аналоговых датчиков и механических переключателей. Все это имело довольно архаичный вид, для двадцать первого века, века компьютеров и высоких технологий, но все это исправно работало и показывало какие-то непонятные данные. Прямо посередине пульта, словно гений инженерной мысли, на самодельную подставку, скотчем был примотан небольшой черно-белый китайский телевизор, который показывал очередной сериал про тяжелую милицейскую работу.

Игорь отключил телевизор, встал перед капитаном, положил ему ладони на щеки и спросил: «Пароль?»

– Восемнадцать. Сорок шесть. Девяносто три. Дельта. – пробормотал капитан, не просыпаясь. Игорь осторожно отпустил его лицо, и мы пошли дальше. По дороге, в очередном коридорчике, расположенном справа от основного тоннеля, я увидел, как в очень неестественной, неудобной позе на полу застыл пацан в серой технической форме инженерных войск. На мой немой вопрос Игорь ответил: «Они заснули мгновенно, кто где стоял или сидел.»

Я подошел к пареньку, положил поудобнее его руки – ноги, выровнял голову, проверил пульс. Есть. Спит. Я осмотрелся. Этот отдел был чем-то вроде мастерской. Парень распиливал большой подшипник, зажав его в тисках, да так и заснул, рухнув на пол с пилкой в руке. Зачем он пилил под-

шипник, так и осталось загадкой, но вот железные шарики из подшипника, каждый по два сантиметра в диаметре, валявшиеся на верстаке, очень меня порадовали. Весьма полезные вещички, если уметь ими пользоваться. Я умел, поэтому с удовольствием прихватил все, которые нашел, а именно восемь штук. Они приятно утяжелили мои карманы, в которых, к слову сказать, почти ничего не было. Сигареты, зажигалка, портмоне с документами и деньгами, небольшой, но крепкий раскладной нож, вот теперь еще и металлические шарики. Конечно, в виду последних событий хотелось бы вооружиться чем-то более солидным, но ничего. Что есть— то есть.

Пройдя через весь центральный туннель, мы уперлись в кабину лифта. Вызвали, дождались, зашли, нажали верхнюю кнопку, из двух имеющихся, поехали. Игорь делал все это машинально, видно, что не часто, но периодически пользовался этим путем из "таблетки". Когда доехали наверх, то увидели точно такую же, как и внизу огромную дверь. Игорь начал откручивать колесо запора, над дверью зажглась красная лампа, и заработал тревожный зуммер. Когда наша компания прошла за эту дверь, то мы увидели еще одну такую же, но уже без колеса запора. А на той, которую мы только что открыли, была сваренная из арматуры скоба, играющая роль ручки. «Шлюз!»— догадался я. Если хочешь выйти с объекта, открываешь дверь, заходишь в шлюз, закрываешь свою, она захлопывается. Пока первая дверь не захлопнется,

замок второй – не разблокируется.

Как только захлопнулась, то тебя могут выпустить только снаружи, если пароль будет правильным. Соответственно и наоборот, если хочешь войти снаружи, закрываешь сначала свою дверь, потом называешь пароль и тебя впускают внутрь... Или не впускают.

Внутри объекта, у двери, поста не было, значит кроме вахты, сюда редко кто заглядывает.

Игорь закрыл за нами дверь. Красная лампа потухла, зуммер стих. Мы остались в полной тишине между двух трехтонных дверей, способных, наверное, выдержать ядерный удар. Через несколько секунд включилась зеленая лампа и мы услышали беззаботное: «Пароль?», искаженное динамиками переговорного устройства.

Игорь сказал. Зеленая лампа потухла, снова зажглась красная и задребезжал зуммер, наружная дверь начала шелестеть приводами и вскоре открылась. Дверь большая и тяжелая, открывая её, ты не видишь, кто же там внутри. И вот, в тот момент, когда открылась достаточная по ширине щель, Игорь выскочил наружу и хлопнул в ладоши. Когда мы с Олегом и "студентом" вышли из– за двери, на полу лежал солдатик, без оружия, со штык– ножом на поясе, а рядом в маленькой комнатке, в караулке, спали еще два. Вот у этих были автоматы. Они стояли рядом, пока караульные и дежурный играли в преферанс.

– Может, возьмем?– с надеждой показал я на автоматы

Калашникова.

– Нет! – ответил Игорь,– Если возьмем, поднимется ки-пишь. Стволы будут искать. Охрану на этом объекте усилят. Не нужно. Да, нам оно особо и ни к чему. "Ну, да." – согласился я про себя, вспоминая тот поезд-дракон-бетономешалку, которая сбила Игоря. Действительно ни к чему, однако, душа требовала вооружиться.

Мы открыли обычный магнитный замок, как на подъездах с домофоном ставят, и вышли на улицу. Огляделись. Маленькое, неприметное двухэтажное здание в каком-то коротеньком переулке. Пошли по переулку налево, минуты через три вышли на улицу Льва Толстого. «Пуговишников переулок.»– прочитал я на углу, на всякий случай запоминая место. Еще через пару минут вышли на Комсомольский проспект, который был ярко освещен, и гроыхал редкими, но быстро несущимися автомобилями. Я посмотрел на часы – половина двенадцатого. С того момента, как мы курили на балконе у Роксаны прошло чуть больше двух часов, а казалось, что мы путешествуем уже несколько дней, если прибавить к этому еще и то, что я только сегодня с поезда... «Короче, смертельно устал.»– вдруг понял я.

Игорь меж тем вышел на трассу, недалеко, примерно на метр, и стал вглядываться в автомобили, пролетающие мимо нас. Вдруг перед ним резко остановилась ближайшая к нам иномарка . Это оказался огромный ярко желтый Хаммер 2, с гигантскими блестящими колесами, никелированным от-

бойником, прозванным в народе "кингурятник" и четырьмя дополнительными фарами на крыше. Игорь, ни слова не говоря, полез на переднее сидение, а мы вчетвером разместились сзади. Мне пришлось запихивать туда студента, он, конечно, не особо сопротивлялся, но и... не гнулся. Короче, пришлось попотеть.

Загрузились и поехали. Да так быстро, что, аж, дух захватило. Сто, сто двадцать, сто сорок. Мы летели по Комсомольскому проспекту, как сумасшедшие. Сначала я подумал, что мы куда— то очень сильно торопимся, но, как оказалось, все автомобили рядом с нами ехали так быстро. Видимо стиль вождения здесь такой. Из магнитолы лились очень громкие звуки: пели какие то рэперы с прокуренными и простывшими голосами, легкий и веселый матерный мотивчик. Под этот мотивчик мы повернули направо, пронеслись мимо Воробьевых гор и свернули на Мосфильмовскую. Остановились в конце улицы, у одного из пяти новых небоскребов, которых я тут раньше не видел.

— Приехали. Выходим. — говорит Игорь, — Вот здесь я и живу.

Мы вышли из машины и пошли к подъезду. Хаммер так и остался стоять у подъезда, водитель сидел за рулем и таращился прямо перед собой.

— Кто это был? — спросил я, когда мы зашли в лифт, имея в виду водителя Хаммера.

— Не знаю.— устало ответил Игорь, — Сейчас очухается, по-

дивится, как он здесь оказался, да поедет дальше, куда ехал. Завтра все забудет.

Мы поднялись аж на сорок пятый этаж. Игорь ключом отпер квартиру, зашел, облегченно скинул туфли и пальто и пригласил нас: «Будьте как дома.» Я снял свои армейские ботинки, пуховик и огляделся. Входная дверь вела в очень длинную комнату, шириной метров шесть, одна стена которой была полностью стеклянной. Открывался изумительный вид на ночную Москву. Во второй стене было несколько дверей, встроенный стильный кухонный гарнитур и какая-то картина с абстракционистской мазней, довольно четко, впрочем, вписывающаяся в местный, весьма талантливо спланированный интерьер.

— Рассаживайтесь, курите, выбирайте в баре напитки. Все, отдыхаем. — сказал Игорь и протянул мне стакан, в котором было грамм сто виски со льдом. Я взял его, выпил залпом, достал сигарету и с наслаждением закурил.

Глава 6.

Игорь пошел переодеться. Олег тоже налил себе виски, а Роксана — Бэйлис со льдом.

— Вода. — вдруг произнес студент.

— Смотри — ка, а он все — таки что — то понимает. — сказала Роксана, наливая ему воды.

— Тебя как зовут? Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

— Вода. — ответил студент, отдавая стакан. Роксана налила

еще один, протянула ему и начала осторожно шарить по его карманам. Через некоторое время достала мобильный телефон, проверила— "нет сети", вынула батарею, сим карту и выложила на стол, потом достала студенческий билет.

— Чаплыгин Владимир Эдуардович. — прочитала она. — МГУ, Факультет истории.

— Что же с тобою приключилось, Владимир Эдуардович?— спросила она.

— Вода.— ответил он отрешенно.

Тут пришел Игорь, в футболке и шортах, налил себе еще виски и начал свой рассказ.

—Что же Макс, настало время рассказать тебе, что тут у нас происходит.

—То, что я сейчас расскажу, не является истиной, подтвержденной фактами. Как и что было на самом деле, не знает никто. Однако наши ученые и старейшины пришли к выводам, что все было именно так, или примерно так.

Ну, слушай. Около двадцати тысяч лет назад, нашу планету посетило некое высшее существо, которое мы сейчас называем Господь Бог. Ради каких— то своих целей он провел на нашей планете один эксперимент. Никто не знает, для чего ему понадобился этот эксперимент, однако, цель эксперимента была, создать расу, во всех отношениях подобную самому Господу богу. С помощью неизвестных высших технологий из живущих в то время на земле человекоподобных обезьян, тех самых хомо эректус, он создал челове-

чество. Создал людей по своему образу и подобию. то есть внешне и внутренне мы не отличимы от Господа, отличаются только наши возможности. Человеческая раса в ходе эволюции должна превратиться в расу существ, полностью подобную самому Господу. Он создал специальные условия для развития цивилизации. Он прописал законы эволюции, соблюдая которые люди смогут достигнуть уровня Бога. Законы заключаются вот в чем. В человеческих организмах заложен потенциал, позволяющий эволюционировать при соблюдении определенных правил. Правила эти чрезвычайно просты, и, в то же время, невероятно сложны. Эти правила умещаются в десять заповедей Божьих, о которых все прекрасно осведомлены. Простой человек, при рождении имеет возможность использовать потенциал мозга на пять – семь процентов, физический потенциал организма на двадцать–двадцать пять процентов. Рождаясь с такими возможностями, человек, который всю жизнь придерживался божественных правил, десяти заповедей, умирая, попадает в рай. Рай, это искусственно созданное Богом пристанище бессмертных душ, которые пройдя земной путь по всем правилам, попадая в рай, проходят там какие– то процедуры, позволяющие им вернуться в обычный мир, уже в другом качестве. То есть Рай– это некий мир, где с помощью каких– то процессов гусеница превращается в бабочку. После этого души возвращаются обратно, в такие же человеческие тела, но уже с более широким потенциалом. Эти души управляют мозгом

уже на двадцать— двадцать пять процентов, их физические возможности используют потенциалы организма на сорок— пятьдесят процентов.

Рай — это целый специально созданный мир. Никто не знает, что там происходит, но души там эволюционируют и, так сказать, переходят на следующий уровень. Управляют раем и обеспечивают его работоспособность специально для этого созданные Богом искусственные существа— эдакие биороботы, несущие в себе строго определенные функции и обязанности. Мы называем их ангелы. Они очень редко вмешиваются в мирскую жизнь, практически никогда. Анжела, которую ты видел в "таблетке"— ангел. Она порой помогает нам иногда советом, гораздо реже делом.

Я про себя подумал: "Анжела— ангел, как то без фантазии."

Так вот. Другие души, которые проходят земной путь, не соблюдая божественных правил, подвергаются жестокому наказанию. Они попадают в еще одно искусственно созданное пространство, которое называется, как ты уже догадался, адом. В аду эти души несут наказание за несправедную жизнь в миру, после чего им дается еще один шанс, и они отправляются снова в наш мир, получая возможность прожить жизнь, как надо, по божественным правилам. Какие наказания получает душа в аду неизвестно, но считается, что после них она должна "исправиться" и новую жизнь прожить уже по заповедям. Почему именно таким образом воспитываются за-

блудшие души тоже не известно, наверное это единственный способ их перевоспитать. Работой ада тоже управляют специально созданные для этого существа. Мы знаем их под названием демоны и бесы. Среди демонов есть главный, естественно, это Дьявол. Он тоже является искусственным созданием Господа Бога, однако он был создан с абсолютной широтой возможностей и максимально задействованным потенциалом. Фактически, Дьявол -самое сильное и могущественное создание Божие. Но это не человек. Его главная функция— контролировать и регулировать развитие цивилизации людей, следить и управлять всем экспериментом, цель которого, как я уже говорил, развитие и эволюция людей до уровня Господа Бога.

Да, вот только Дьявол достаточно быстро понял смысл своего существования и свои возможности, механизмы и цели развития цивилизации людей. И он решил, что называется, сыграть в свою игру. Он нашел способ самому эволюционировать, и самому достичь уровня Господа. После достижения своей цели он станет вровень с Создателем, обретет полную независимость и безграничные возможности Бога. Зная все механизмы и правила, он прописал возможности своей собственной эволюции и достижения своих собственных целей. Самое интересное, что его, так сказать, поправки в ход эксперимента не влияют на физические константы эксперимента, то есть, он действует в пределах законов, прописанных Господом Богом. Итак, дьявол придумал, как в преде-

лах развития земной цивилизации, использовать ситуацию в свою пользу и самому эволюционировать из искусственно созданного существа, в независимую личность с безграничными возможностями.

Механизм эволюции человечества выглядит вот каким образом: Человечество начинает свое существование. Душа человека, прожив жизнь по божественным правилам и попав в рай, возрождается в ином качестве, с большими возможностями. Как только количество человеческих душ, возрожденных в новом качестве, переваливает через определенный уровень (мы склонны считать, что это пятьдесят процентов населения), то все человечество переходит на новую ступень эволюции и приближается к уровню Господа на один шаг. Далее правила развития по идее должны меняться, однако никто не знает, как должно быть на самом деле, инструкций нет.

Но Дьявол внес в этот алгоритм свои поправки, как я уже говорил. Как только большая часть населения, так сказать, критическая масса, сознательно перестает жить по божественным правилам, а всячески нарушает эти правила, снова и снова попадая в ад, дьявол, приходит в наш мир в физическом облики, чтобы подчинить себе все общество, всю планету, сделать их своими рабами и уничтожить всю цивилизацию. А уничтожив целую цивилизацию разумных существ, Дьявол становится всемогущим. Становится на один уровень с Господом, получает независимость и все возмож-

ности Бога.

Вот, такая вот ситуация. Кроме того, используя некие инструменты и манипуляции, Дьявол прописал законы, с помощью которых он может воздействовать на уже проявленные души, вернувшиеся из рая, заставляя их становиться на свою сторону. Как именно и почему так происходит не известно.

Людей наделенных особыми свойствами, души которых прошли через рай мы называем "проявленными". Проявленным человек становится не сразу. Для этого он должен созреть, после чего активироваться. Чаще всего проявленные активируются другими проявленными, гораздо реже происходит самоактивация. Самому это сделать достаточно сложно, необходимо достичь определенного уровня развития души и организма. В ходе активации человек сам, по каким-то внутренним и сформированным внешней средой причинам автоматически становится на ту или иную сторону. То есть становится белым, последователем Господа Бога, или черным, слугой Дьявола. Никто не может повлиять при активации на выбор Проявленного. В этом и заключается маленькое вмешательство Дьявола, изменяющее сценарий Господа. Однако по некоторым внешним признакам мы можем приблизительно вычислить кем станет новый проявленный, черным или белым.

Активированные Проявленные делятся на две категории. Первые, то есть мы, белые приверженцы Господа, называются Витты. Это название, как раз и значит на одном из древ-

них языков— Белый. Другие же, черные, называются Балаки, на том же древнейшем наречии.

Как ты уже понял, мы: я, Роксана и Олег— Витты, то есть слуги Господа. Мы несем дело Господне и боремся против приспешников Сатаны, Балаков, которые соответственно являются войском Дьявола. Ты теперь тоже активированный Проявленный, ты теперь тоже Витт. Мы хотели активировать тебя у Роксаны дома, да видишь, сколько всего произошло, мы не успели. Тебя активировала Ангела в таблетке, и теперь у тебя появились.. ну, скажем так— странные изменения в восприятии мира. Это первые признаки твоих новых возможностей. Мы будем тебя тренировать, развивать твои возможности, и из тебя получится очень сильный Проявленный. То, что мы умеем,— это не магия и не колдовство. Это всего лишь возможности мозга и организма.

У проявленных есть Семь уровней владения силой, которую мы называем Ххатха. Ты её почувствуешь, она хоть и нематериальна, но весьма чувствительна. Мы вот с Олегом на втором уровне, наверное, Ангела повысила нас в таблетке до третьего. Роксана берегиня, её уровень расплывчат, она может только защищать и врачевать, но не нападать, поэтому уровень силы колеблется в зависимости от воздействия, от которого она защищает. Всего человеку доступны шесть уровней Ххатхи. На седьмом уровне ангелы, демоны и может быть Дьявол, хотя вероятнее всего Дьявол гораздо выше, у него нет ограничителей по структуре организма. Он—

то сделан по – другому и для других целей. Владение человеком Ххатхой заметно для Проявленных. Человек, наделенный этой силой, одет в силовую ауру определенного цвета. По её цвету мы определяем, кто есть кто. У простых людей, непроявленных, нереинкарнированных, Ххатха практически нулевая, поэтому они светятся в нейтральных разноцветных тонах обычного биополя, как правило желто-зелено-синих, у Виттов ярко белая аура, у Балаков ярко красная, переходящая в черную. Чем Проявленный сильнее, тем ярче у него аура. Соответственно, и наоборот. Таким образом, мы можем понять ,кто наш друг, а кто враг. И ведем свою борьбу.

Однако мы проигрываем. План Сатаны уже осуществляется, и достаточно давно. Фактически он уже победил. Мы, белые, -мы оппозиция. С каждым годом, Балаков все больше и больше, мы все чаще и чаще терпим поражения за поражением. Как я уже говорил, Дьявол прописал закон, с помощью которого, даже праведные души, уже проявленные могут становиться на его сторону. Этому способствуют множество внешних факторов, участвующих в формировании личности людей: СМИ, философия потребления, отказ от основ культуры, фальшивые религии, ложь, пропаганда насилия и тому подобное. Благодаря всему этому и еще неизвестно чему, Проявленные в момент созревания выбирают дьявольский путь и становятся его слугами раз и навсегда, переделать их невозможно. Можно только уничтожить и вер-

нуть в ад, на перевоспитание и мученическое очищение. Вот этим мы и занимаемся. А они уничтожают нас. Причем Господь нам не помогает. Все, что происходит, не противоречит чистоте его эксперимента, наоборот, вносит некие дополнительные интересные нюансы. Он наблюдает, достаточно бессистемно, и практически никогда не вмешивается. Ему интересно, сможет ли Дьявол достичь своей цели или цивилизация преодолеет эту преграду сама. Ему нечего терять. Он просто наблюдает. Факты его вмешательства достаточно редки. Последним зафиксированным Божественным вмешательством признано считать, вмешательство в ход второй мировой войны. А до этого, еще одним вмешательством считается приход Иисуса. Причем Господь действует глобально, на уровне законов. Во время второй мировой, Он внушил жителям России обязательную необходимость победить Гитлера любой ценой. Вот мы и победили, хотя были на волосок от реализации дьяволом своих планов. Роксана помнит те времена, она тогда уже жила и работала.

Этот парень, – он кивнул на стоящего безучастно Володю-студента, – стал каким то образом концентрировать вокруг себя черную энергию, он очень нужен черным, однако сам не является проявленным. У него нет вообще никакой ауры, не черной не белой, ни желто-зелено-голубой, как у обычных людей. Ангела сказала, что мы теперь должны быть вместе, прятать и защищать его. "Мы думаем, что это он", сказала она, и завтра, мы поедем к нашим старшим то-

варищам, узнавать, что значит "это Он".

—А теперь твои вопросы. — закончил Игорь.

Я сидел, с трудом переваривая свалившуюся на мою голову информацию. То что я услышал и особенно события, свидетелем которых я стал, однозначно говорили о том, что Игорь говорит правду, а не разыгрывает меня. Однако все же, во все это было не возможно поверить. Если бы то же самое он поведал несколько часов назад, то я просто рассмеялся бы ему в лицо, но сейчас.. Сейчас я просто сидел и тупо таранился на стакан с виски, пытаюсь как нибудь прикрутить полученные сведения к реальности. Бог, дьявол, Витты, Балаки. Все смешалось в моей голове, переворачивая всю мою жизнь с ног на голову. Я был растерян и из всех сил старался не рассыпаться гроздью нахлынувших на меня вопросов. Но, как боевой офицер, я привык отстраненно воспринимать информацию и задавать конкретные вопросы, ответы на которые необходимы прямо сейчас, исходя из сложившейся обстановки.

— А что значит Чомбо? -спросил я спустя несколько минут тишины, никем не нарушаемой. Друзья дали мне возможность осознать услышанное и собраться с мыслями.

Глава 7.

—Чомбо?— переспросил Игорь -не знаю— и посмотрел на Роксану, она тоже отрицательно помотала головой— А ты где это услышал?

— Этот ваш лысый ангел, произнесла это, когда увидела

студента.-кивнул я на Володю.

Игорь пожал плечами.

– Мне показалось, что она это сказала, хотя я не видел шевеления её губ, как будто слова прозвучали у меня в голове. -добавил я.

Игорь еще раз пожал плечами. -Не знаю, никогда не слышал этого слова. Много чего непонятного, произошло, завтра поедем в епархию, встретимся с преподобным отцом Серафимом. Он у нас главный по Москве и в совете белых по России. Он очень старый, много чего видел и знает, ему наверное лет семьсот, он на шестом уровне, магистр.

Я еще выпил виски и закурил очередную сигарету.

– И много на свете таких.. Проявленных?

– Не более половины процента, иногда меньше– ответила Роксана.

– Менее половины процента? То есть в рай попадает так мало народу?– удивился я.

–Нет, это количество Проявленных. Большинство просто не созревают, по каким – то не понятным пока нам, причинам. Наши ученые предполагают, что в рай попадают примерно двенадцать процентов населения, однако они не созревают до проявления. И никто не знает, почему. – повторился он.

– А как же мои бывшие грехи? Ведь я очень много народу убил в свое время?

– А никак, законы божьи неумолимы. Все мы камикадзе,

всех нас ждет ад, и за земные грехи и за поступки против дьявола. Он нам тоже все припомнит. Мы боремся без бонусов и без выгоды. Когда погибнем, то пойдем все по общей схеме. Неблагодарная у нас миссия. – сказал Игорь и безрадостно улыбнулся, – Существует, конечно, еще теория о покаянии и всепрощении, снятии грехов, но все это происходит там, на Страшном Суде. Так что свидетелей нет, сообщить некому. Никто еще оттуда не возвращался с багажом памяти. Душа не обременена ничем, память – это функция организма, поэтому все, что там происходит, находится за пределами наших знаний. Ну, или почти все и почти за пределами.– поправился Игорь,– Но принято считать, что все наши деяния судятся по общим законам, и нам скидок нет. В этом заключается еще одна маленькая хитрость дьявола.

Повисла пауза.

– Ты говорил, что вашему преподобному семьсот лет. Вы что, бессмертны?-продолжал я расспросы.

– Нет, мы такие же смертные, только умеем регенерировать свой организм, тем самым живем дольше, чем обычные люди. У кого больше силы и знаний, тот живет дольше. Человек ведь умирает не потому, что время пришло, его или убивают или организм дает сбой, какие-то системы перестают функционировать и выходят из строя, вот и умирает. Теоретически мы можем жить очень долго, если не вечно. Однако нас чаще убивают.. Гораздо чаще, чем хотелось бы– горько усмехнулся он.

– А тебе сколько лет?– спросил я.

– Я молодой, твоего возраста, а вот Роксана постарше, сколько тебе? Девяносто?

– Девяносто три. – поправила она.– я никого не убиваю, я берегиня, занимаюсь защитой и лечением Виттов, может когда и увижу Рай. – улыбнулась она.

Мы вопросительно посмотрели на Олега, молча потягивающего виски и смотрящего на панораму ночной Москвы.

– Триста сорок один скоро исполнится. Я воин.– ответил он. Я уважительно присвистнул.

– А ты? -Спросил я Игоря.

– У меня широкий профиль. Воин, экзорцист, лекарь, курьер, носитель матриц, в общем, боец широкого профиля.

– Носитель матриц?

– Ну, иногда, более высоким белым необходимо вселится в чье то тело, что бы встретиться с кем-нибудь или поучастовать в чем-то, а он находится очень далеко и не может прибыть материально.

– А что, позвонить нельзя? Или прилететь?

–Мы не пользуемся услугами связи или сложным техническим транспортом, который не можем контролировать. По телефонам нас легко можно запеленговать, прослушать, выследить и уничтожить. Самолеты сбить или направить в землю. Мы только ногами или поездом, очень редко используем автомобили, их можно контролировать и, так сказать противостоять.

Все технические службы, связь, интернет, авиационные компании, все в руках Балаков. Вся власть, все средства массовой информации, корпорации, деньги, правительство— все в руках дьявола, и он нас последовательно отслеживает и уничтожает.

— Все в руках дьявола, а что же у вас? Какие рычаги влияния на общество имеете вы?— спросил я.

— Не вы, а мы, ты теперь один из нас. Христианская церковь, ислам, без радикальных отклонений, буддизм, международные организации, Красный крест, Гринпис, антиглобалисты, деятели культуры и искусства, писатели, некоторые ученые, неправительственные организации, фонды помощи и поддержки. Наша организация, «Белое знамя», это силовая структура, занимающаяся непосредственной ликвидацией черных, урегулированием конфликтов и войн, решением многих проблем, в которых другие, не силовые методы бессильны. А так же мы занимаемся экзорцизмом.

— Это.. Изгнание духов?

— Бесов. Некоторые бесы и демоны, обслуживающий персонал ада, находят способы проникнуть в тела обычных людей и выходят в наш мир. Я и другие, по мере сил, возвращаем их обратно. Иногда это происходит только со смертью носителя...

Посидели, помолчали, подумали каждый о своем.

—А вот,— вспомнил я, — а что это за поезд был, который тебя на Полежаевской сбил.

— Это бетономешалка, заряженная очень сильной черной энергией, заточенная на уничтожение, но не меня, а вон его. — он кивнул на стоящего рядом и находящегося в прострации студента, — Только он энергетически нейтрален, и машина сработала на наиболее сильный объект с противоположным знаком. Чуть не убила, гадина.

Мы еще чуть-чуть посидели, пока я не понял, что окончательно засыпаю. В голове крутилась белиберда из обрывков новой информации. Бог, Дьявол, проявленные, черные, белые, словно в какой-то дешевый голливудский боевик попал. Кто бы рассказал, ни за что бы не поверил.. если бы сам не стал участником столь странных событий.

Игорь отвел студента в свою комнату, Роксане выделил гостевую спальню, а нас с Олегом положил здесь же на раскладывающемся диване. Я искупался, закинул весь свой не богатый гардероб, принял от Игоря еще одни шорты и майку, наскоро сжевал приготовленные Роксаной бутерброды с чаем и провалился в сон. Сон был очень странный, одновременно глубокий и тревожный. У меня было ощущение, что жидкости в моем теле постоянно бурлят. Кипят что ли, вот только не нагреваясь, температура держалась в пределах нормы. Это я и так, без всякой Ххатхи давно уже научился контролировать.

На утро, проснувшись, побрившись и позавтракав, мы поехали таким же, как и вчера вечером способом, на пойманной машине, в цитадель Белого знамени, в Новоспасский

Ставропигиальный Монастырь, что на Пролетарской.

На подъезде к монастырю была сумасшедшая пробка. Мы вылезли заранее, метров за двести, и уже оттуда поняли, что что-то произошло. Подойдя ближе, мы увидели огромное количество скорых и пожарных машин. Монастырь был потушен, но еще кое-где дымился, представляя собой плачевное зрелище, как будто в него попала авиационная бомба. Роксана заплакала, Игорь, сжав зубы, произнес: «Там было около ста белых! Весь наш штаб! Все мертвы. Я никого не чувствую. Роксана, отводи.»

Она стала что – то шептать, и люди, окружавшие нас, стали отворачиваться, прятать глаза, отвлекаться. Мы прошли через все оцепления, бродили по развалинам монастыря, видели ужасающие разрушения от пожара и взрыва. Казалось никого живого не осталось. Роксана продолжала шептать и плакать, Игорь с Олегом осматривали место битвы с почерневшими от злости глазами, студент же оставался безучастен. Проходя мимо чудом сохранившихся построек, мы наткнулись на очень древнего монаха, который сидел на стульчике, рядом с небольшим сарайчиком, где хранились всякие топоры, метлы и другая бытовая утварь, и грелся в лучах хилого, ноябрьского солнца.

– Батюшка, что тут произошло?– спросил Игорь.

Монах не шевелился, казалось, что он нас не слышит. Рядом с монахом лежала немецкая овчарка. У нее на одном из боков обгорела вся шерсть. Собака тихо завывала, хотя вой её

больше походил на стон.

– Было нападение,— вдруг прокряхтел монах. Я поднатужился и воспользовался своими новыми способностями, чтобы увидеть его ауру. Она была такая же, как и у окружающих монастырь людей, желто-зелено-голубая. "Непроявленный" сделал я вывод .

– Большое нападение, – продолжал старик. Он поднял голову, и мы увидели, что он слеп.— Много черных погибло, но и из белых не уцелел никто. Все умерли.

– А магистр?— спросил Игорь.

Монах молчал. Собака тяжело дышала, потом набралась сил и снова заскулила.

Монах оживился.

– И преподобный отошел в мир иной. Он передал вам послание. Сказал, что придет "длань", отправь её к Матвеевне. Вы, я так понимаю, и есть "длань".— промолвил совсем уже тихо монах и опустил голову. Собака закрыла глаза. Мы осмотрелись, нас действительно было пятеро. Я так и не понял, разговаривал с нами монах или он переводил то, что говорила собака. Как он мог увидеть, что нас пятеро, если он слепой. Больше они нам ничего не сказали. Собака опустила голову и замерла. Может, умерла? Роксана кинулась к ней и спустя минуту подтвердила мою догадку.

Мы развернулись и пошли к метро. Все молчали, понуро опустив головы, размышляя над тем, что нам теперь делать.

–Матвеевна, это хранитель архива? – спросила Роксана.

– Не знаю. – отрешенно ответил Игорь.

– По– моему, да.– ответил Олег, – Лет пятьдесят назад один из наших ездил в Москву, покопаться в архивах, его так и не пустили, не хватало доступа, но он вроде бы называл хранилище, по моему это действительно Матвеевна, если я правильно помню.

– Ну и где нам её искать? -Спросил Игорь.

– Я думаю, в Ленинской библиотеке.. Да, скорее всего там. Я что– то такое припоминаю. Только у нас не хватит уровня доступа. Туда только пятый и шестой допускаются. – обреченно вздохнула Роксана

– У нашего был пятый, и его не приняли. – ответил Олег.

– Что же, попробуем поискать. – подытожил Игорь.

Мы шли через дворы и детские площадки, избегая на всякий случай широкие улицы. Это вообще манера передвижения белых. Я баловался своими вновь приобретенными способностями, переключал режимы зрения. Получалось у меня достаточно легко, вот только не организованно. Я делал небольшое усилие и словно переключал каналы на телевизоре, заранее не зная, что же я там увижу. Раз! И стены ближайшего здания стали полупрозрачными в районе третьего этажа, и я увидел тепловые контуры находящихся внутри квартир людей, а так же силовые кабели несущие электричество и бытовые приборы, работающие от него. Раз! И стволы деревьев засветились разными оттенками зеленого, показывая потоки жизненной энергии, струящейся от листьев к корням

и от корней к листьям.

Или вдруг включалось гипер-обоняние, и я морщился от запаха горелого масла, на котором жарили чебуреки где-то у метро. Несмотря на подавленное состояние моих друзей, у меня было почти что отличное настроение. Мне было жаль погибших людей, но я никого из них никогда не видел. А просто смерть человека или многих людей как факт давно уже меня не огорчали. Скольких я на своем веку уничтожил и похоронил. Я давно уже относился к смерти как к неизбежности и, между нами говоря, давно уже сам был к ней готов.

Мы проходили мимо гаражей, угнетающих вид жилых дворов своими ржавыми коробками, когда из – за угла на нас вывернули два типа с наглыми, самоуверенными мордами, в кожаных плащах нараспашку и ярко – красных водолазках. Они остановились и стали ждать нашего приближения. Мы замедлились.

– Кто это? – тихонько спросил я у Игоря.

– Это враги, и очень – очень сильные, сейчас они будут нас убивать. – ответил он. – Роксана, защищай их.

Игорь с Олегом одновременно сделали шаг вперед и остановились. Я, студент и Роксана остались у них за спиной. Роксана закрыла глаза и что – то шептала. Двое напротив начали медленно и синхронно поднимать руки в нашу сторону, держа ладони параллельно на небольшом расстоянии друг от друга. Их ауры пульсировали черно-красными волнами, пробегающими сверху вниз. Между ладоней начали по-

являться завихрения воздуха, уплотняясь в небольшие комочки. Наши тоже начинали какое-то синхронное движение руками, однако никто ничего не успел сделать. Из-за спин моих новых соратников я быстро и точно метнул два металлических шарика, лежащих у меня в кармане. Я и раньше неплохо справлялся с метательными предметами, диверсант как – никак, а сейчас, с моими новыми способностями вообще получилось идеально. Шарики попали точно в верхнюю часть переносицы, там, где она соединяется с надбровными дугами, ломая её и вбивая обломки костей в мозг. Скорость полета шариков была такая, что казалось, метра через три полета, они хлопнут, преодолевая звуковой барьер.

Черные одновременно рухнули и не шевелились. После секундного замешательства, Олег подбежал к ним, всмотрелся, понял, что оба мертвы, и сказал почему – то:

– Ну, или так.

Игорь и Роксана ошалело смотрели на меня.

– А вы говорите магия... Что с трупами делать будем? – ответил я на взгляды друзей.

– Ничего не будем, пусть валяются, тем более это не на долго, нас все равно никто не видел и не увидит, пошли отсюда скорее, – Игорь взял за руку студента и все заторопились следом, к метро. Я так и не понял, что не надолго, но вопросы задавать не стал.

Поехали на Библиотеку имени Ленина. Большинство людей, вокруг нас, торопилось по своим делам, не обращая на

нас никакого внимания, однако дважды, я заметил, как кто-то из толпы, вдруг останавливался и оборачивался в нашу сторону, провожая взглядом нашу команду.

Заметил это и Игорь.

–Рокси, в чем дело?– спросил он.

– Я отвожу, отвожу, но от Володи начинает фонить чем – то непонятным, как от поврежденного ядерного реактора. – кивнула она на студента.

Игорь остановился и пристально посмотрел на, все время находящегося глубоко в прострации, Володю. – Слушай, у него даже никакие биотоки не текут, ауры вообще нет. Чем он может фонить?

–Вот именно, что ничем. Он фонит пустотой, вакуумом, и я пока не знаю, как его заглушить и получится ли вообще. С такой тенденцией через пару дней вся Москва будет знать, где мы находимся.

Мы вышли из поезда и стали подниматься к Библиотеке.

Глава 8.

Зайдя в фойе, мы осмотрелись. множество разных людей постоянно входили и выходили из библиотеки. На ресепшене в небольших кабинках сидели три тетушки, предпенсионного возраста. К ним стояли небольшие очереди, человека по два, справа от кабинок был пост полицейской охраны, проверяющей у посетителей документы и пропускающей их дальше, в недра библиотеки. Роксана подошла к одной из женщин.

—Извините, нас послали к одной из ваших работниц, её зовут Матвеевна, она хранитель архива. — обратилась к ней Роксана.

— Матвеевна?— Призадумалась женщина.— а это фамилия или отчество?

Роксана, извиняясь, улыбнулась и пожала плечами.

— Ну, я не знаю. У нас вроде никакая Матвеевна не работает. У нас и должности такой то нет, хранитель архива. Почему хранитель? Заведующий? И какого архива? На какую тему? Ва-аль!, — приоткрыла она дверь в соседнюю кабинку, — ты знаешь кого-нибудь у нас по фамилии или отчеству Матвеевна.

Теперь задумалась вторая.

— Может из отдела экономической литературы? Там вроде Антонина Матвеевна... Хотя нет, она Моисеевна.— она подумала еще минуту, — Ты позвони Сергею Николаевичу из отдела кадров, пусть он по спискам посмотрит.

Мы стали ждать пока наша тетушка свяжется с отделом кадров. Через несколько минут Игорь сказал, что прогуляется по библиотеке и чтобы ждали его здесь. Он подошел к посту полиции, посмотрел на охранников и на турникете загорелась зеленая стрелочка, сигнализировавшая, что вход открыт. Еще минут через десять, женщина, которую мы просили, жестом подозвала Роксану. Пообщавшись некоторое время, она вернулась к нам и сообщила, что в отделе кадров сказали, что работала раньше в отделе философии смот-

ритель зала Вероника Матвеевна, но в две тысячи шестом скончалась.

Мы стали ждать Игоря. Он появился только минут через двадцать.

— Никто ничего не знает. — ответил он на наши вопросительные взгляды.

Выйдя на улицу, я и Олег закурили. Потом Олег говорит: — Магистр не мог ошибиться, надо искать. Давайте обойдем здание, может, найдем что интересное.

— Я его уже обошел, только изнутри, всех расспросил, никто ничего не знает. Не работает там такая. — огрызнулся Игорь.

Но Олег продолжал смотреть на него вопросительно, дескать, пошли, все равно надо что-то делать.

Мы начали слева огибать здание библиотеки, рассматривая боковые выходы и двери, ведущие в технические помещения. С оборотной стороны здания мы увидели небольшую железную дверь, выкрашенную серой краской. На ней не было ручки, зато висел большущий навесной замок на кованых петлях. Надпись на двери, сделанная белой краской с помощью трафарета гласила. "Посторонним вход воспрещен. Архив", а ниже кто-то, из молодых хулиганов нарисовал небольшое, сантиметров тридцать в поперечнике граффити, на котором стилизованным, еле читаемым шрифтом было написано— "black & white".

Олег подошел к ней, потрогал, понюхал, нажал.. А потом

громко постучал.

Послышался щелчок и дверь открылась вовнутрь. Замок оказался бутафорией, он так и остался висеть вместе с обеими петлями.

Игорь пошел первым, потом Олег с Роксаной, а вслед за ними я завел Володю— студента. Спустившись по обшарпанным ступенькам, мы попали в маленькую комнатку, где сидела дама лет сорока-сорока пяти в стилизованных под стиль шестидесятых, очках и увлеченно смотрела телевизор, довольно современный, плоский и большой, стоящий на доисторическом холодильнике Зил, украшенном массивной ручкой, похожей на автомобильную.

— Слушаю вас, молодые люди, повернулась она к нам.

Я удивленно заметил, что по телевизору шел футбол, Лига Чемпионов, Арсенал— Барселона. Уже привычно посмотрел на её ауру — обычная, разноцветная.

— Мы ищем Матвеевну.— ответил Игорь.

— Она очень занята и не сможет вас принять.— сказала дама и отвернулась к телевизору, давая понять, что аудиенция закончена.

— Нам.. нужна.. Матвеевна..— медленно, с нажимом, повторил мой друг и глаза его засветились.

— Не напрягайся, белый, на меня эти ваши штуки не действуют.— с усмешкой сказала она. — Или иди получай допуск или давай Пайцзы.

"Пайцзы, — вспомнил я — доверительный знак Чингизхана.

Интересно."

И вдруг мне стало больно. Как будто мне ко лбу приложили раскаленную рублевую монету. Я зашипел и прижал к голове руку, нащупав, вчерашнюю отметину, оставленную Анжелой. "Бинди" – вспомнил я, так эта штука называется у индусов. Я и забыл про нее, периодически только вспоминал, когда натыкался взглядом на такие же, у моих друзей. Она – то и жгла мне лоб.

Дама в очках заинтересовалась.

– Ну-ка воин, подойди ка ко мне.

Я подошел, она приложила к моей отметине указательный палец и боль сразу прошла.

Постояв несколько секунд с закрытыми глазами и пальцем на моем лбу, она сказала:

– Ты и твоя берегиня могут пройти. Дверь справа. Остальные ждут здесь.– вернулась на свое место и снова уставилась в телевизор.

Мы переглянулись и пошли с Роксаной в указанную дверь. За ней оказался узенький коридор, заканчивающийся стеной, кадкой с фикусом и двумя серыми, обитыми старым дерматином дверьми по обе стороны. На левой была красная казенная табличка – Архив, на правой такая же – Арсенал. Открыв дверь в архив мы оказались в еще одной небольшой комнатухе. Прямо перед нами был стол с очень древним компьютером, справа, вдоль стены стояла аккуратно заправленная кровать с пестреньким и... каким– то "деревенским"

покрывалом. За кроватью следовала еще одна дверь с прибитыми к ней двумя металлическими нулями. За столом сидела бабуля.. Ну, вернее, очень старая женщина миловидного образа которую почему– то хотелось называть бабулей. На ней было выцветшее, но аккуратненькое, ситцевое платье и бежевая косынка на голове. Она щелкала тыквенные семечки и играла на компьютере в пасьянс, тоже "косынку".

Завидев нас, она стыдливо отодвинула семечки.

– Прошу вас, ребята, присаживайтесь. – указала она на два стоящих перед её столом деревянных стула. Под моим весом стул предательски закрипел, и я испугался, что рухну вместе с обломками стула на темный, давно не шлифованный, скрипучий паркет.

– Что привело вас ко мне?

– Вы Матвеевна?

– Да, она самая.

Я посмотрел на нее с помощью нового дара. Во дела! Нету у неё вообще никакой Ауры, как у Володьки.

– Нас отправил к вам преподобный Серафим.

– Аа.. Серафимчик, помню, помню, как увидите его в следующий раз, передавайте огромный привет от меня, скажите, чтоб в гости заглянул, а то совсем забыл сюда дорогу. Нехорошо, старых друзей бросать, в нашем– то возрасте. Глядишь, а то и не встретимся боле в этом мире. Старая я стала. Чувствую.. Скоро уже.– весело подмигнула она.

– Нет больше преподобного Серафима, погиб он сегодня

утром. Бой был большой, больше сотни Виттов погибло, и он вместе с ними. Весь штаб Белого знамени уничтожен. – грустно ответила ей Роксана.

– Уничтожен. – казалось, что бабулька нисколько не расстроилась. Во всяком случае эта информация никак не повлияла на её игривое настроение. – А ты, красавица не кручинься. Погибли они за правое дело, им там воздастся. – кивнула она в потолок. – А штаб, ну что же штаб, построите новый. Не в первой, восьмой раз уже, считай, штаб ваш жгут. А Серафим.. Не родилось еще такого злыдня, способного Серафима в могилу свести. Так что, не стоит – то, по нему панихиду петь.. Появится когда-нибудь опять...

– Так. Давайте по делу. – напустила она на себя серьезность, – Что бы вы хотели узнать?

– Мы бы хотели узнать, что значит Чомбо. – выпалил я.

Она внимательно посмотрела на меня, потом открыла ящик стола, вытащила оттуда древние очки в роговой оправе и пристроила их себе на переносицу.

Сухонькой ручкой взялась за мышку, неуверенно свернула пасьянс "косынку", навела на какую – то иконку и появилось новое окно. «Яндекс.» – удивленно прочитал я и посмотрел на Роксану. Она состроила гримасу, дескать, я тоже удивлена.

Медленно, одним пальцем выискивая нужные буквы, Матвеевна набрала в строке поиска – ЧОМБО.

– В переводе с древнего наречия суахили – сосуд. В наше

время имеет значение – запечатанный сосуд, заполненный чем-либо очень ценным или важным.— Зачитала она и с видом профессора, объяснившего нерадивым студентам прописную истину, воззрилась на нас.

– И все? – хором спросили мы.

Она честно, еще раз посмотрела на экран.

– И все.— подитожила бабуля.

Вдруг её глаза заморгали. Не веки заморгали, а именно глаза, белки. Заморгали ярким свечением, как моргают лампы дневного света при включении. Потом засветились ровно. Матвеевна резко встала и произнесла мужским голосом:

– Вы обязаны спрятать и охранять Чомбо. Срочно покиньте Москву. Уезжайте в Павловский Посад, там ждите. Уходя, выберите прямую дорогу, будьте осторожны, на выходе вас уже ждут.— сказала и выключилась. Грузно плюхнулась на стул. Посидела, побряхтела. Потом встала, оттерла внезапно выступивший пот с лица и поковыляла, тяжело отдуваясь, на кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.